

157  $\frac{5}{196}$











157 196

К. ВЕЙДЕМЮЛЛЕР

3

# ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И СССР

---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
1925





154196 К. ВЕЙДЕМЮЛЛЕР  
L

# ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И СССР

ЭН О

КМ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД



Главлит № 40534

Гиз № 8374.

Тираж 7.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.



## 1. НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И СТЕПЕНЬ ЕГО ПОГЛОЩЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Та почва, на которой развивается современная хозяйственная жизнь, тот базис, на котором возникают ее разнообразные формы, та основная предпосылка—наконец, которой в значительной степени определяется не только направление, но и самый темп ее развития,—носит на языке современной экономии собирательное название «капитал». Недаром крупнейший из живших до сих пор экономистов, глубокий исследователь и основатель школы научного социализма—этим именем назвал свой крупнейший научный труд.

Если старая политическая экономия выработала деление капитала на «основной» и «оборотный», если социалистическое учение Маркса построено на строгом разделении форм капитала «постоянного» и «переменного»,—то современная хозяйственная жизнь, в зависимости от обусловленного хозяйственными потребностями назначения, различает капитал «производственный» и «финансовый», «промышленный», «земледельческий» и «торговый», капитал «национальный» («народный») и «интернациональный» («международный», «мировой»).

По Марксу, «ценностеобразующей субстанцией», субстанцией, создающей «ценности» или «товары», эти элементы современного «богатства народов»<sup>1)</sup>, является человеческий труд. Труд представляет из себя активное начало современного производства, тогда как капитал является его пассивной формой. В труде олицетворяется динамика хозяйства, тогда как капитал—сам по себе, вне живого человеческого труда—представляет собою его статику. Труд, это—молот, а капитал—наковальня общественного хозяйственного процесса: это

---

1) „Богатство современного общества представляется в виде огромного скопления товаров, и всякий отдельный товар есть элементарная его форма“,—говорит Маркс в I томе „Капитала“.

те «живая» и «мертвая» вода, при помощи которых седой кудесник—история—выковывает материальную структуру, материальные формы человеческой жизни. Естественно, что то или иное соотношение между этими двумя основными элементами определяет собою степень экономического развития данной страны.

Роль капитала в общественном производстве беспрерывно растет. Натуральное хозяйство представляется по существу не чем иным, как такою формою хозяйства, когда роль капитала по сравнению со значением труда ничтожна. Те незначительные массы капитала, которые участвуют в производственном процессе, участвуют в нем по преимуществу как орудие, служа этим человеку и подчиняясь ему. Капиталистическая форма производства предполагает, напротив того, участие в нем больших количеств капитала, относительно чрезвычайное уменьшение роли труда и подчинение последнего первому. «В капиталистическом хозяйстве человек низводится на степень орудия труда, становится эквивалентом машины». «Не капитал для человека, а человек для капитала—таков девиз капиталистического хозяйства»,—говорит Туган-Барановский в своем известном учебнике <sup>1)</sup>.

А priori мы могли бы сказать: для нормального экономического существования, соответствующего степени хозяйственного развития данной страны, необходимо известное соотношение между капиталом и трудом, между человеческой энергией, принявшей застывшую, связанную форму и находящейся в движении живой, текучей ее формой. Каково это отношение, может ли оно принять конкретный, численный вид? Оставляя в стороне этот, более или менее теоретический вопрос,—мы можем, тем не менее, сказать, что постоянное историческое возрастание отношения капитала к труду—в конкретной действительности принимает форму постоянных колебаний вокруг некоторой нормальной величины, постоянного изменения преобладания то одного, то другого из двух составляющих его элементов. В этих переменах выражается жизнь общественного хозяйства как целого, ими знаменуется прогресс его. Преобладание одного из элементов создает относительный недостаток другого; недостаток одного—излишек другого. Слишком много капитала означает слишком мало

---

<sup>1)</sup> М. И. Туган-Барановский. „Основы политической экономики“. Второе переработанное издание, СПб. 1911, стр. 480.



труда; слишком много труда—слишком мало капитала. При этом само собою разумеется, что при современной связанности хозяйственной жизни отдельных государств, при развитии того ряда взаимных отношений между отдельными народно-хозяйственными единицами, который все определеннее и определеннее укладывается в понятие «мирового хозяйства»,—все эти перемены, происходящие в одном месте, не могут не ощущаться в другом. И то, что составляет «излишек», по общему закону превращения предметов потребления в товар, приобретает товарную форму на мировом рынке, становится потенциальным объектом вывоза и ищет среди других государственно-хозяйственных единиц потребителя, с которым был бы возможен обмен. Накопляющийся в избытке капитал, не поглощаемый производством родной страны, ищет применения в других странах точно так же, как его ищет накопившаяся рабочая энергия, не находящая себе приложения в месте накопления. Ниже мы рассмотрим ряд конкретных случаев накопления и преобладания капитала. Мы увидим, что в этих случаях он неизменно устремлялся за пределы своего места накопления, в поисках чужеземного применения. Что же касается труда, живой человеческой рабочей силы, то мы приведем здесь же два ярких примера.

Первый из них относится к Италии. Со времени образования нового итальянского королевства и до наших дней прекрасная страна эта продолжает быть страной земледельческой. Только последнее десятилетие указывает на решительный сдвиг в сторону индустриализации Италии. Возникли и развились огромные промышленные предприятия, иногда в гигантских современных «концернах» объединяющие сотни тысяч рабочих и около миллиарда лир капитала. Но как раз кризис послевоенного времени с крахом таких фирм, как «Ильва» и «Ансальдо», указывает на то, что интенсивному промышленному развитию Италии положен предел, и что накопленная живая энергия масс интеллигентных и способных работников историческими условиями обречена на то, чтобы находить себе применение в области сельского хозяйства, а не в области промышленности. Отсутствие или медленное развитие капитала и является тем основным условием, которое определяет темп развития хозяйства Италии и которое своим сдерживающим, тормозящим влиянием оставляет за бортом промышленной деятельности все возрастающие и возрастающие массы рабочих. Каков удел этих человеческих излишков,

как отстаивают свое право на жизнь все эти «лишние люди»? Им ничего не остается делать, как покидать свою родину и искать приложения своей рабочей энергии—попросту «заработков»—за ее пределами.

Эмиграция издавна является крупным фактором итальянской хозяйственной жизни. Ближайшие к Италии страны, как Франция и Швейцария—давно уже считаются с пришлой рабочей силой итальянцев, выполняющих особенно трудные и сложные работы, как, например, прорытие туннелей. Но и страны отдаленные, в особенности Соединенные Штаты Северной и государства Южной Америки хорошо знают не только итальянских певцов, но и итальянских рабочих, каменщиков, плотников, слесарей, монтеров и огородников. Свои высоковалютные заработки итальянские эмигранты чаще всего переправляют на родину, куда и сами возвращаются к концу своей многотрудной жизни. Таким образом, хозяйство Италии должно не только учитывать потерю рабочей силы вследствие эмиграции, но и прирост народного богатства, национального капитала, притекающего взамен ее. Два элемента творческой хозяйственной деятельности, капитал и труд, в данном случае в мировом хозяйстве, обмениваются друг на друга непосредственно. Как известно, эмиграция из Италии в последние десятилетия развилась настолько, что пришлось создать особое ведомство—по значению министерство—так называемый «Комиссариат Эмиграции».

Вторым примером является Россия.

Как это ни странно на первый взгляд, между хозяйственной жизнью Италии и России (преимущественно, дореволюционной) существует известное сходство. И даже Советская Россия точно так же, как и Италия—*toutes proportions gardées*—страна прежде всего земледельческая. В России, точь-в-точь как в Италии, последние десятилетия перед войной ознаменованы интенсивнейшим ростом промышленности. Здесь так же возникают грандиозные предприятия, как и там. Формы промышленности часто принимают совершенно исключительный—«американский»—размах. И, тем не менее, ни потенциально огромный внутренний рынок, ни сказочные естественные богатства не развиваются с такою быстротою и в таких размерах, чтобы поглотить ненаходящие себе больше применения в сельском хозяйстве рабочие массы. И вот в России развивается то же явление, что и в Италии, хотя оно и принимает здесь индивидуально другие формы.



Крестьянское малоземелье было одним из бичей дореволюционного земледелия. «Малоземелье» — понятие относительное, и в данном случае его никак нельзя понимать абсолютно. Не вообще земли было мало, а ее было мало при наличном, неинтенсивном способе обработки. Не имея возможности перейти к интенсивной культуре земли (для чего отсутствовали необходимые исторические предпосылки), русский крестьянин остро ощущал необходимость увеличения площади запашки и посева. Из этой необходимости выросло то специфическое психическое состояние, которое известно под именем «земельного голода». И в поисках «пищи», в поисках новой земли — крестьянин тронулся с места и понес свою «освободившуюся от средств производства» рабочую силу либо в образовавшиеся латифундии Юга, Востока или Запада России, либо на далекие окраины Сибири. Какой силы достигло это переселенческое движение, эта внутренняя эмиграция, говорят цифры Сибирской железной дороги, по которой передвигалось на Дальний Восток в последние перед войной годы до двух миллионов человек ежегодно. Если к этому прибавить столько же уехавших на батраческие заработки, то перед нашими глазами встанет картина взбаламученного моря российского, волны которого накапливали энергию революционного движения. Не отступая, однако, в сторону, мы в них не можем не видеть «излишка» трудовой рабочей энергии, выброшенной за борт застывшего в своих формах сельского хозяйства и не поглощенной относительно медленно развивающейся промышленностью. Основную же причину недостаточно быстрого развития промышленности был недостаток капитала, образование которого, как ни были эффектны отдельные эпизоды, в общем далеко не поспевало за процессом образования свободной трудовой энергии. Ярким конкретным показателем этого является начавшаяся задолго до войны тяга иностранного капитала в Россию. Как известно, почти все крупные металлургические предприятия Юга России были основаны иностранным капиталом.

Огромные размеры России по сравнению с Италией и наличие в ней свободных сибирских земель не позволили развиваться эмиграции, в тесном смысле слова, по крайней мере до войны. Однако, если мы припомним то обстоятельство, что гигантские пароходы немецких фирм, занимавшихся перевозкой эмигрантов, заполнялись по преимуществу, если не исключительно, выходцами из России, что в Америку

переселялись целые села старообрядцев и раскольников, то нам станет ясно, что лишь мировые события иного порядка— война и революция—задержали этот процесс.

Таким образом, обе названные страны, Италия и Россия, ярко иллюстрируют наше основное положение. Обе они в своей хозяйственной деятельности, в своем производстве накапливали большие количества трудовой энергии, которая не находила себе достаточного применения. Прирост населения, как в Италии, так и в России—принадлежит к самым интенсивным. В то же время земледельческое хозяйство их, лишь начавшее переходить в форму индустриальную, не могло всех этих запасов человеческой трудовой энергии использовать.

Как в Италии, так и в России—резко ощущался недостаток другой предпосылки интенсивного хозяйственного развития, другой формы накопленной энергии: капитала. Как Италия, так и Россия—представляют собой поэтому рынки для иностранного капитала. Емкость этих рынков далеко не одинакова. Но факт их существования обеспечивает и той, и другой стране, вместе с притоком иностранного капитала, блестящее экономическое будущее.

---

## II. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РОСТ И ПОТРЕБНОСТЬ В ИНОСТРАННОМ КАПИТАЛЕ

Так как ценность продукта тем больше, чем больше в нем доля труда, то продукты промышленности—при одной и той же затрате времени—представляют из себя ценность большую, чем продукты сельского хозяйства, и продаются по более дорогой цене. По вычислениям Русского Института в Риме на основании данных Итальянской Таможенной Статистики, одна тонна продуктов промышленности стоит приблизительно в три раза дороже, чем тонна продуктов земледелия. Это обстоятельство объясняет, почему бюджеты стран сельскохозяйственных, втянутых в мировую политику, страдают такою хроническою дефицитностью и почему, в частности, Россия должна была в предреволюционное время прибегать к постоянным займам. Но это же обстоятельство объясняет и другой факт, а именно то интересующее нас по преимуществу явление, что накопление капитала возможно и происходит в действительности в странах промышленных,



тогда как перепроизводство рабочей силы, труда, составляет, как мы видели, особенность стран земледельческих.

Поэтому нас несколько не удивит и то обстоятельство, что и потребность в вывозе капитала составляет отличительную особенность стран промышленных. С другой стороны, в ввозе капитала нуждаются как раз страны земледельческие, в особенности в тот знаменательный момент развития их, когда они вступают в эпоху своей индустриализации, как это имеет место в Советской России.

Одним из ярких современных образчиков того, как складываются в этом случае отношения между странами промышленными и странами земледельческими, является участие иностранного капитала в хозяйственной жизни Канады.

Канада принадлежит к числу больших и славных «доминионов» Британской Империи, оказавших сильную поддержку своей метрополии в последней войне. Естественно было бы поэтому ожидать, что страна эта, вступившая в стадию интенсивного промышленного развития,—поскольку она нуждается в иностранном капитале,—будет ввозить этот капитал из Англии. Это тем более естественно, что в Великобритании после войны обнаружилось весьма понятное стремление превратить «Соединенное Королевство» в самодовлеющую экономическую единицу, образовать при участии своих колоний хозяйственный организм, производящий индустриальные продукты из собственного сырья, в своем экономическом развитии совершенно не зависящий от других стран. Это так и было в действительности. Главная часть иностранного капитала, инвестированного в Канаде, приходилась на долю Великобритании. По вычислениям известного статистика, М. Коутса, в 1914 году всего было инвестировано в Канаде около 3.500 миллионов долларов иностранного капитала. Из этой суммы на долю Англии приходилось 2.700 миллионов и на долю Соединенных Штатов всего 750 миллионов. Соединенные Штаты тогда только еще начинали свою политику вывоза капитала, которая с тех пор приняла столь широкие размеры. В январе 1923 года, согласно данным Гарвея Э. Фиска, инвестирование американского капитала достигло 2.500 миллионов долларов, при общей цифре иностранного капитала в 5.250 долларов<sup>1)</sup>. Эти гигантские цифры, несколько не характеризуюя предельных возможностей вывоза капитала для

---

<sup>1)</sup> The Statist—№ 2372, июнь 1923 г., стр. 391.

Соединенных Штатов, указывают, однако, как велика потребность индустриальных стран, каковыми *par excellence* являются Англия и Соединенные Штаты, появиться на иностранных рынках со специфическим видом товара, название которого «капитал».

Каково же назначение этих чудовищных денежных масс, в какую сторону направляют они развитие хозяйства Канады? Ответ находим в статье Statist'a, из которой заимствованы эти сведения. Оказывается, что этот капитал вложен отчасти в фермы, но главным образом в индустриальные предприятия и банки, в особенности в мелкие предприятия; в автомобильную промышленность и в частные займы. Еще точнее определяет это статья, подписанная «Чарльз Джонсон», помещенная в «Правде», от 26 июля 1923 года. «Наиболее распространенной формой,—говорит автор,—проникновения американского капитала в Канаду является организация фабрик, являющихся филиальными отделениями крупных фирм Соединенных Штатов. В настоящее время число таких предприятий достигает 1.000—1.200».

Таким образом пример Канады является в высшей степени показательным с нашей точки зрения. Канада, как великая земледельческая страна, вступающая в период промышленного развития, с начала нынешнего столетия—в особенности с 1914 года—ввозит большие количества иностранного капитала. Капитал же направляется в нее из стран с высоко-развитою промышленностью: из Англии и Соединенных Штатов.

Вторым примером той же категории является Китай. Китай—страна, в которой обработка земли приняла столь тщательные, столь индивидуальные формы, что она способна производить впечатление почти искусства. Тем не менее обработка земли в Китае не могла бы быть названа интенсивной в смысле современного капиталистического сельского хозяйства—с применением химических удобрений, сложных земледельческих машин, паровых плугов и моторных тракторов. Это было последнее слово «старого режима», того режима, который так тщательно и долго охранялся «Китайской стеной». С тех пор, как стена эта пала, с тех пор, как Китай «проснулся»—пришел конец и старым формам. Китай точно так же, в своей революции, в переходе от монархического к республиканскому образу правления—пережил экономически резко очерченный момент. В поэтическую, но затхлую атмо-



сферу традиционных форм земледелия ворвалась современность в лице индустриализации. Китай не мог продолжать существовать только земледелием; ему также необходимо было производить более дорогие товары промышленные. А вместе с развитием промышленности началось—им подготовленное и в нем нуждающееся—проникновение в Китай иностранного капитала. Медленно поддается влиянию современности старый уклад, но целые области Небесной Империи, по преимуществу—береговая полоса с Центром в Шанхае, в настоящее время уже индустриализованы, и развитие промышленности европейского образца успешно подвигается.

Откуда же направляется капитал в Китай? Мы без труда ответим на этот вопрос: из промышленных стран—из тех же Англии и Соединенных Штатов. Так, например, в начале 1923 года три из крупнейших капиталистических групп Америки, Дьюпонт, Брэди и Дьюк, вошли в соглашение с китайскими синдикатами «относительно большого коммерческого внедрения» в Китай в целях создания в Китае крупных промышленных предприятий. Первым шагом было образование нового общества под названием «China—Enterprises, Limited» с рядом вспомогательных организаций, из которых крупнейшей является «Universal Textil Corporation» с капиталом в 9 миллионов долларов. Та же группа приступает к производству шелка и шелковых тканей в широком масштабе и к организации крупного хлопчатобумажного производства. Другой отраслью ее деятельности является производство и распространение кинематографических фильм. Основано общество «Dragon Film Corporation» с капиталом в 5 миллионов долларов. О предполагаемом развитии последнего предприятия говорит то обстоятельство, что одновременно им организуется сеть кинематографов в 2.000 китайских городов и местностей.

Снова те же—уже известные нам—признаки: земледельческая страна с начинающейся интенсивной индустриализацией и устремляющийся в нее иностранный капитал сильно промышленных стран.

Если мы теперь от Дальнего Востока, от Китая, обратимся к Ближнему Востоку, например, к Турции, то мы и здесь снова встретимся все с тою же картиной.

Еще в довоенное время в Турции обозначился процесс разложения земледельческого хозяйства, что и нашло себе яркое выражение в революционном движении. В довоенное же время началось проникновение в Турцию иностранного

капитала—по преимуществу, немецкого. В каких конкретных формах выразилось это проникновение? Об этом говорят те результаты, каких Германии удалось добиться и, несмотря ни на что, сохранить до настоящего времени.

Так называемый «Банк Восточных Железных Дорог» в Цюрихе, связанный с «Deutsche Bank» и представляющий немецкие интересы, контролирует в настоящее время Анатолийскую железную дорогу (1.232 километра), Багдадскую железную дорогу (1.700 километров, из которых 1.100 находятся в эксплуатации), железную дорогу Мерсина—Тарсус—Адана (67 километров), порты Гайдар-Паша, Александретту и Мерсину, водоснабжение и систему орошения в Сони, «Анатолийское Общество железных дорог» в Анатолии и др.<sup>1)</sup>

К этому проникновению немецкого капитала, принявшему форму концессий, присоединились затем концессии французские, английские, американские и даже итальянские. В июне 1923 года Турецкое Бюро Печати в Лозанне опубликовало официальное сообщение о состоянии переговоров по поводу концессий иностранному капиталу в Турции. В этом сообщении упомянуты: договоры с французскими капиталистами относительно постройки туннеля в Константинополе и гавани в Смирне и относительно постройки железных дорог Смирна—Кассаба и Карагиссар—Пандерма; договоры с итальянскими капиталистами о навигации в Золотом Роге; переговоры с англо-немецким синдикатом о железной дороге Смирна—Аидин и т. д., и т. д. От себя мы можем прибавить еще «Turkish Petroleum Co», 50% капитала которой принадлежит Anglo-Persian Co, 25%—Royal-Dutch-Shell и 25% французам, и известную концессию Честер-Кеннеди, в образе которой на горячо оспариваемой почве Турции появляется капитал американский. И все это сливается в картину ясную, нам теперь уже достаточно знакомую: На «рынке» Турции появился иностранный капитал—и появился как раз тогда, когда, переходя от хозяйства исключительно земледельческого к индустриализации, Турция очутилась лицом к лицу перед необходимостью затрачивать массы капитала, по сравнению с которым ее собственные средства оказались до смешного недостаточны.

Уже перечень предприятий, сданных в концессию—предприя-

---

<sup>1)</sup> „L'Information financière et économique“, № 109, 16/V 1923.

тий почти исключительно транспортных, показывает, что Турция вступает в полосу развития промышленности. Ведь железнодорожное строительство и в России совпало с моментом развития индустриальных предприятий, вызванных к жизни общим развитием страны, а не специфическими нуждами государства. Но если бы мы захотели узнать, в чем именно, в каких продуктах остро нуждается в настоящее время Турция, в продуктах сельского хозяйства или промышленности,—мы могли бы послушать авторитетное мнение на этот счет председателя турецкого национального купеческого союза, Гуссейн-Гусни-бея. В связи с концессией Честера Гуссейн-Гусни-бей заявил: «Товары, в которых Турция нуждается в первую очередь, это прежде всего мануфактура, земледельческие машины и орудия, автомобили—в особенности камионы, оконное стекло, сахар, химические продукты, фармацевтические товары, нефть и бензин». Перечень, в смысле определенности, не оставляет желать ничего больше. Не характерно ли все это для страны, в которой развитие индустрии на очереди?

Если мы просмотрим теперь данные относительно инвестирования за границей того или иного национального капитала, то мы встретимся с захватом в Италии целых отраслей промышленности немецким банком<sup>1)</sup>, с инвестированием Соединенными Штатами больших сумм в Мексике, на Вест-индских островах, в латинских странах Южной Америки и на острове Кубе, с переселением больших масс английского капитала в доминионы и колонии. Вообще, трудно было бы найти картину более ясную, чем общая картина участия иностранного капитала в хозяйстве бедных капиталом стран. Все страны, в которых совершается переход хозяйства типа чисто земледельческого к хозяйству типа промышленного<sup>2)</sup>, остро ощущают нужду в иностранном капитале. Но потребность в иностранном капитале, который при господстве мирового хозяйства является не чем иным, как одним из наиболее ходких товаров мирового рынка,—не составляет, поэтому, особенности какой-либо данной страны. Все страны в охарактеризованный выше момент своего развития нуждаются

---

1) „Banca Commerciale Italiana“.

2) Я не употребляю слова „смешанного“ по той причине, что хозяйства смешанные представляют из себя переходную форму, которая потому и является смешанной, что она переходная.



в притоке больших масс капитала. При современных условиях эта нужда принимает форму нужды в иностранном капитале. На мировом рынке есть не только производители капитала—есть и его потребители.

К таким естественным потребителям иностранного капитала принадлежит и СССР.

Необыкновенно интенсивно пережив разложение земледелия как основной базы своего хозяйства, в грандиозном, могучем революционном порыве уничтожив все препятствия к своему новому хозяйственному строительству, Советская Россия должна организовать свою промышленность. И в этом стремлении, в этой естественной, исторически обоснованной нужде своей, она вынуждена затратить массы капитала. Ей необходимо затратить столько, сколько не в состоянии дать ее собственные ресурсы. И необыкновенно остро ощущает она потребность в капитале иностранном, который должен помочь ее молодой энергии, ее бодрому труду, превратить в «потребительные ценности» все несметные богатства ее. На мировом рынке появился потенциальный потребитель иностранного капитала—в размерах, по сравнению с которыми бледнеют все цифры вывоза капитала, известные до сих пор.

Существует ли на мировом рынке капитала предложение, соответствующее спросу, могут ли на нем появиться массы капитала, способные утолить потребность СССР? Если есть, то откуда исходят они и где их нужно искать Союзу? Powerful ответ на эти вопросы читатель найдет в следующих главах.

---

### III. ГЕРМАНСКИЙ КАПИТАЛ НА ИНОСТРАННЫХ РЫНКАХ—ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Война оказала сильнейшее влияние на хозяйственную жизнь всего земного шара. Для некоторых стран Европы она имела катастрофическое значение. Не могла она не отразиться и на рынке капитала. Радикально изменившиеся условия экономического существования государств и народов изменили как характер образования капитала и его место накопления, так и его рынок, место его приложения. Нарушилось отношение между спросом и предложением. Производитель капитала превратился в потребителя; потребитель стал производителем. Это относится в большей или меньшей степени ко всем странам, ввозившим или вывозив-

шим капитал, за исключением, быть может, одной только Англии.

Главными странами, вывозившими капитал, были до войны Англия, Франция и Германия. На мировом рынке капитала они появились далеко не одновременно. Самой старой страной, вывозящей капитал, является Англия (с 1815 года), самой молодой—Германия (с 1850 года). Появившись, однако, позже других, Германия,—в особенности, начиная с 1890 года,—в темпе развития вывоза капитала является соперницей стран, раньше ее вступивших на этот путь. В отношении вывоза капитала происходит то же самое, что мы наблюдаем в отношении вывоза товаров вообще. Вот небольшая таблица, из которой видно, как развивалась в довоенное время внешняя торговля главнейших капиталистических стран:

Таблица 1.

Внешняя торговля Германии, Англии и Соединенных Штатов в довоенное время (в миллиард. зол. марок).

Страны.	1890 г.	1900 г.	1913 г.
Германия . . . . .	7½	10	21
Англия . . . . .	—	15	24
Соед. Штаты . . . .	—	9	18

Эта таблица—одна из тех, какие способны меланхолически подействовать на любого немецкого патриота. В ней ярко показано то, что было и чего нет в настоящее время: блестящее развитие немецкого хозяйства и немецкой торговли за время от 1890 до 1913 года. Обороты Германии за этот промежуток времени утроились. Начиная же с 1900 и по 1913 год они больше чем удвоились. Развитие Германии превосходило развитие Англии и Америки. Правда, Соединенные Штаты удвоили свои обороты за это же время. Однако абсолютная цифра увеличения для Германии составляет 11 миллиардов марок, тогда как для Америки она равняется всего 9 миллиардам.

Так как, повторяем, темп вывоза капитала в общем должен соответствовать темпу развития внешней торговли, мы не ошибемся, если предположим, что за то же время германский капитал направился в больших количествах за границу. Каких же размеров достиг этот вывоз капитала? На этот вопрос дает ответ следующая таблица, которая показывает изменения в этом отношении, происшедшие в 24-летний промежуток между 1890 и 1914 годами.

Таблица 2.

Германский капитал за границей (в миллиард. зол. марок).

Род капитала.	Ок. 1890 г.	1914 г.
Капитал в бумагах . . . . .	10	20
Капитал в предприятиях . . . . .	15	22

Таблица делает различие между капиталом в бумагах и капиталом в предприятиях—в тесном смысле слова капиталом предпринимательским. Но если бы мы для того, чтобы получить общую сумму немецкого капитала за границей, сложили цифры, относящиеся к этим двум категориям, то мы впали бы в ошибку: так как большинство промышленных предприятий имеет акционерную форму, то производительный капитал часто регистрировался как капитал в бумагах. Для того, чтобы выйти из затруднения, Гельферих рекомендует капитал в предприятиях уменьшить вдвое. За ним следуют другие исследователи, как Ленц, Эйленбург и др., и, таким образом, общепринятой является для этого времени цифра в 11 миллиардов германского капитала в иностранной промышленности. Следовательно, общая цифра немецкого капитала, инвестированного за границей, составляла в 1914 г. 31 миллиард золотых марок. Всем известно, однако, что немецкие продавцы предоставляли своим иностранным покупателям довольно широкий кредит. В среднем это был кредит трехмесячный. Если мы прибавим к сумме немецкого капитала за границей и этот кредит, определяемый Ленцем \*) в размере 3-х миллиардов марок, то сумма, о которой идет выше речь, возрастет до 34 миллиардов. Эта сумма уступает и сумме английского капитала, инвестированного за границей (80 миллиардов золотых марок в 1914 году), и сумме капитала французского (42 миллиарда золотых марок в то же время). Но, помимо быстроты темпа в вывозе капитала, капитал немецкий обладал чрезвычайной активностью. Редко он выступал за границей совершенно самостоятельно. Чаще всего он соединялся с капиталом местным или другим иностранным и в организованных таким образом обществах и группах играл руководящую роль. Как же распределялись названные 34 миллиарда марок?

Направление движения немецкого капитала определялось географическими границами и тем обстоятельством, что сильно

\*) Friedrich Lenz. „Wesen und Struktur des deutschen Kapitalexportes von 1914“. Weltwirtschaftliches Archiv. Juli 1922, стр. 48.



развивающиеся и нуждающиеся вследствие этого в иностранном капитале заокеанские страны находились в сфере влияния Англии и отчасти Франции. Поэтому  $\frac{2}{3}$  немецкого капитала было инвестировано в Европе и лишь  $\frac{1}{3}$ —в заокеанских странах. Капитал, вложенный в бумаги, был вложен в Австро-Венгрии, России, Турции и Румынии, отчасти в Соединенных Штатах, Латинских странах Америки и в британских владениях. Капитал предпринимательский находил себе применение в России, на Юго-Востоке Европы, в Соединенных Штатах, в Латинской Америке и в Средней Азии. Что же касается количеств немецкого капитала, инвестированного во всех этих странах, то они довольно точно следуют за данными о внешней торговле. Так, в Европе было инвестировано 56<sup>0</sup>/<sub>0</sub> вывезенного капитала, в Соединенных Штатах—15<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, в Великобританских владениях—18<sup>0</sup>/<sub>0</sub> и в Латинской Америке—11<sup>0</sup>/<sub>0</sub>.

Из немецкого капитала, вложенного в бумаги, наибольшая часть была вложена в государственные займы. Само собой разумеется, что устанавливающаяся таким образом финансовая зависимость может быть использована в целях политического влияния. Несмотря на то, что немецкие источники всегда противопоставляют в этом отношении Германию Франции и Англии, попытки политического влияния со стороны Германии, несомненно, делались неоднократно. И, быть может, одною из самых ярких из таких попыток был отказ в котировании на берлинской бирже русского государственного займа, когда Бисмарк, недовольный поведением России, таким путем реагировал на ее политику. Как известно, от государственного банкротства Россию тогда спасло только то, что русскому займу были широко открыты двери парижской биржи,—чем и было положено начало русско-французскому сближению. Другим образчиком сугубо политической роли немецкого капитала является Багдадская железная дорога, которая должна была проложить Германии путь на Восток. И та обычная в немецких источниках<sup>1)</sup> ссылка, что немецкое политическое влияние на базе финансирования иностранных предприятий сильно уступает «англо-саксонскому», под контролем которого находится больше половины всех железных дорог мира,—представляется несомненным эвфемизмом, мало соответствующим действительности.

---

1) См. упомянутую статью Ленца.

Так развивался вывоз германского капитала в довоенное время. Судя по таким образчикам, как внедрение в Россию и, в особенности, Италию, капитал немецкий приобрел бы значительное влияние в странах своего распространения. Судьбе, однако, было угодно резко прервать ход экономического развития Германии вообще и роль ее вывозного капитала в частности. Война и Мирный договор поставили Германию в совершенно новые условия существования, к которым она до сих пор не сумела приноровиться. Чем же был для Германии Версальский договор?

Вот что говорит по этому поводу известный ученый и статистик, профессор Зеринг:

«Принципом войны является насилие. Все же диктовать мир, который сознательно направлен к разрушению высоко-развитого народного хозяйства, и диктовать этот мир от имени цивилизованных народов цивилизованному народу—это является приемом, историческую параллель которому можно усмотреть разве в разрушении Карфагена. Проведенное с утонченной жестокостью разрушение немецкого народного хозяйства является необходимым последствием Версальского мирного договора».

У Германии были отняты все ее колонии со всем государственным и частным имуществом; уничтожены немецкие предприятия, работавшие в бывших неприятельских государствах, и конфисковано их имущество. Немецкий торговый флот, игравший такую видную роль в германской хозяйственной жизни <sup>1)</sup>, от 5,3 миллиона брутто-тонн (в 1917 г.) был низведен до 0,1—0,3 миллиона брутто-тонн: т.-е. ниже уровня датского или греческого флота; Германия лишилась  $\frac{1}{4}$  тоннажа для морской рыбной ловли и большей части кабелей. Всеми этими мерами было подорвано положение Германии в мировом хозяйстве; не менее тяжелы лишения, которым подвергнуто было ее внутреннее хозяйство. Территория была уменьшена и растерзана: крупные части Германии были отторгнуты от нее. На востоке Германия лишилась больше 2 миллионов населения, в Эльзасе и Лотарингии—1,63 миллиона; в областях, подлежащих плебисциту,—2,7 миллиона: всего, следовательно, 6,5 миллиона. С оторванными областями немцы утратили чрезвычайно важные отрасли про-

---

<sup>1)</sup> Доходы германского торгового флота превращали, как известно, пассивный торговый баланс Германии в активный расчетный.

мышленности: великолепно развитую лотарингскую железо-делательную промышленность, за которой чуть было не «последовала» затем и угольная промышленность Рурского бассейна. К этому надо еще прибавить потерю значительной площади посева, равно как и центров производства сырья.

Уменьшение народного богатства, явившееся результатом всего этого, очень значительно. Если считать, что потеря только пропорциональна потере населения, то народное богатство Германии должно было уменьшиться больше чем на  $\frac{1}{10}$  своих размеров или больше чем на 10%. По вычислениям Шредера, сумма потерь до лета 1922 года измеряется 37 миллиардами золотых марок; если же прибавить к этому потерю бумаг—ценностью в 18 миллиардов марок золотом,—то всего потери в это время выразятся цифрой в 55 миллиардов марок. Все это должно было самым плачевным образом отразиться на производстве и накоплении капитала, как не могло не влиять здесь и постоянное изнашивание всего производственного и транспортного аппарата, происшедшее вследствие несвоевременности или отсутствия ремонта.

Акционерный капитал Германии до войны составлял 31 миллиард золотом. В июле же 1922 года он, по вычислениям профессора Эйленбурга <sup>1)</sup>, равнялся только 6,7 миллиарда золотых марок, что составляет лишь незначительный % акционерного капитала мирного времени. Для конца 1922 года эта цифра еще ниже. Тщательные вычисления, при которых, само собою разумеется, приняты во внимание падение ценности марки, индекс оптовых цен и т. д.,—приводят Эйленбурга к выводу, что он упал в это время до 6% капитала мирного времени. Быть может, вычисления эти грешат немного излишним пессимизмом. По крайней мере, относительно реальной ценности постоянного капитала можно думать с известным основанием, что она не упала в таких размерах, как принято Эйленбургом. Тем не менее, падение настолько значительно, что состояние акционерного капитала представляется весьма плачевным.

До войны немецкая промышленность развивалась таким образом, что поглощала в среднем 3,6 миллиарда золотых

---

<sup>1)</sup> Franz Eulenburg. „Internationale Kapitalbildung nach dem Kriege“. Weltwirtschaftliches Archiv. Juli 1923.



марок. Каков же ежегодный вклад в промышленность после войны? Произошло ли здесь то ухудшение положения, какого следует ожидать на основании всех вышеизложенных фактов? Следующая таблица дает ответ на этот вопрос.

Таблица 3.

Эмиссия капитала в Германии в послевоенное время  
(в миллиардах марок).

Род капитала.	1921 г.		1922 г.	
	бумага	золото	бумага	золото
Акционерн. капитал . . .	38	2	81	0,3
Промышл. капитал . . .	21,75	1,15	55	0,2

Таблица красноречива. Она показывает, что после войны произошло сильное уменьшение капитала, вкладываемого в промышленность ежегодно,—что, конечно, вполне гармонирует с установленным выше уменьшением акционерного капитала в целом. Какова же была прибыльность предприятий, рост которых оказался так сильно замедленным? Вот как располагалась она по отдельным отраслям производства.

Таблица 4.

Средний дивиденд немецких предприятий  
в 1921 году.

Металлопромышленность . . .	52 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	Текстильная пр. . . . .	30 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>
Керамическая промышл. . .	46 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	Химическая „ . . . . .	25 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>
Деревообделыв. „ . . .	43 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	Судостроение „ . . . . .	17 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>
Железообработ. „ . . .	40 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	Сидерургия „ . . . . .	12 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>
Шоколадная „ . . .	39 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	Электротехника . . . . .	11 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>

Общая сумма дивиденда в 1921 году составляла 4,5 миллиарда бумажных марок. В среднем дивиденд достиг в 1921 г. 20<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, тогда как до войны он составлял в среднем 10,5<sup>0</sup>/<sub>0</sub> ежегодно. Казалось бы на первый взгляд, что прибыльность предприятий повысилась. Однако это впечатление рассеивается как мираж, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что капитал предприятий вложен в золотых марках, а прибыль получена в бумажных. При переводе их в золотые марки общая величина прибыли выразится в 450 миллионах золотых марок, что соответствует уже только 2<sup>0</sup>/<sub>0</sub> дивиденда: следовательно, в 4 или 5 раз меньше, чем до войны.

Не лишено интереса проследить также изменения, которые произошли в затратах на увеличение постоянного капитала,—

в тех затратах, которыми характеризуется состояние производственного аппарата и в которых выражается отношение предпринимателя к источнику своего благополучия. Сюда входят затраты на новые машины, аппараты, здания и т. д.

Таблица 5.

Затраты на увеличение постоянного капитала  
(в милл. мар.).

Род производства.	Число предпр.	Затраты до войны.	Затраты в 1921 г.
Горные предприятия . . . . .	22	36 зол.	70 бум.
Калиевая промышл. . . . .	37	—	22 „
Машинное произв. . . . .	21	450 зол.	855 „
Шахты бур. угля . . . . .	15	8 зол.	23 „

Если мы попытаемся перечислить бумажные марки 1921 г. в золотые, то суммы получатся настолько ничтожные, что сами собою ясны станут выводы: темп образования постоянного капитала чрезвычайно замедленный; необходимые исправления несвоевременны, вследствие чего постоянный капитал изнашивается. В общем происходит относительное уменьшение постоянного капитала. И если немецкие фабрики и заводы на посетителя все еще производят хорошее впечатление,—может быть, даже лучшее, чем до войны,—то все же темп необходимого роста в настоящее время значительно слабее. «Настоящее живет на счет будущего»,—меланхолически замечает по этому поводу проф. Эйленбург.

Обратимся теперь к тем явлениям, которые характерны не для образования и состояния капитала в промышленности, а для роста национального капитала вообще. В первую очередь это состояние вкладов в сберегательные кассы. Вот как изменялось оно:

Таблица 6.

Состояние вкладов в сберегательные кассы.

До войны.	Конец 1921 г.	1922 г.
20 миллиард. зол.	53 миллиард. бум.	135 миллиард. бум.

Может ли быть что-либо характернее этих цифр? Ведь 53 миллиарда бумажных марок в 1921 году соответствуют всего на всего  $8\frac{0}{10}$  довоенных вкладов при переводе на золото. Точно так же ничтожна сумма вкладов в 1922 году; при переводе на золото она составит едва-едва 900 миллионов марок.

Быть может, несколько лучше дело обстоит со вкладами в большие банки? Посмотрим. Вот данные на этот счет, относящиеся ко всем берлинским банкам, с одной стороны, и к 24 большим провинциальным банкам, с другой.

Таблица 7.

Банковые депозиты.			
Банки.	До войны.	1920 г.	Конец 1921 г.
Берлинск. банки . . .	4,1 млрд. зол.	53,5 млрд. бум.	116 млрд. бум.
24 больших провинц. банка . . . . .	48,7 милл. зол.	3,107 милл. бум.	—
Всего . .	4,6 млрд. зол.	56,6 млрд. бум.	116 млрд. бум.

Таким образом, банковые депозиты к 1920 году возросли номинально в 12 раз. Возрастание происходило гораздо медленнее, чем возрастание индекса оптовых цен, составлявшего в это время 1.440,—что является несомненным показателем общего ухудшения положения. К 1921 году темп общего прироста вкладов будто бы увеличился—в целых 24 раза. Однако темп обесценения денег оказался еще быстрее: они упали в 35 раз,<sup>1)</sup> и 116 миллиардов бумажных марок в 1921 году составляли всего-навсего 3,3 миллиарда золотом. Если мы примем теперь во внимание, что за то же время учетный процент возрос до 120%, а банковский кредитный даже до 25—300%, то мы придем к неизбежному заключению, что картина банковых вкладов изменилась точь-в-точь в том же направлении, что и картина вкладов в сберегательные кассы.

Таким образом все рассмотренные элементы финансового и хозяйственного положения Германии с полной очевидностью показывают, что не только произошло значительное уменьшение германского капитала за границей, но парализован и самый процесс образования капитала в стране. Можно предполагать, что часть германского капитала перекочевала заблаговременно за границу, и что в тот или другой удобный момент она всплывет в виде участия немцев в каком-нибудь иностранном предприятии. Но сказать что-либо определенное о размерах такого «бежавшего» капитала нет никакой возможности, и здесь мы вступили бы в область лишь более или менее вероятных догадок.

По расчетам Эйленбурга<sup>1)</sup>, немецкий капитал, вложенный

<sup>1)</sup> Loc. cit.



за границей в бумаги, составляет в настоящее время лишь около 2 миллиардов золотом, вместо 20—до войны. По расчетам Мак-Кенна, общая сумма немецкого капитала за границей достигает 7,8 миллиарда золотых марок, из которых 1,5 миллиарда находятся в Америке. От себя мы могли бы к этому прибавить еще те, сравнительно небольшие капиталы, какие вложены немцами в русские концессии.

Общий вывод, к какому мы неизбежно приходим на основании данных этой главы, заключается в том, что ни в настоящее время, ни в ближайшее о сколько-нибудь значительном вывозе немецкого капитала на иностранные рынки—не может быть и речи.

#### IV. ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И АНГЛИЙСКИЙ КАПИТАЛ НА ИНОСТРАННЫХ РЫНКАХ

Выше мы видели, что Германии при ее появлении на интернациональном рынке капитала пришлось встретиться, главным образом, с двумя «соперниками»: с Англией и Францией. По сумме капитала, инвестированного за границей, более сильной была Англия.

Английский капитал в иностранных бумагах и предприятиях достигал внушительной цифры в  $3\frac{1}{2}$  миллиарда фунтов стерлингов,—что соответствует приблизительно 70 миллиардам золотых марок. По некоторым данным, эта цифра была еще больше. Но и только что указанная достаточно велика, чтобы экономические последствия такого сильного экспорта капитала сказались самым явным образом. И действительно, вывезенный капитал приносил Великобритании свыше 3-х миллиардов золотых марок в виде процентов; актив же английского расчетного баланса достигал 200 миллионов фунтов стерлингов. Как отразилась на состоянии английского капитала за границей война?

Великобритания из держав, вступивших в войну с самого ее начала,—единственная, которой удалось сохранить формальный «порядок» своего бюджета. Особенностью финансов воюющих держав было, как известно, то, что все они составляли так называемые «военные бюджеты», которые весьма существенно отличались от бюджетов мирного времени. Не избежала этой участи и Великобритания. И она в период от 1914 до 1918 года должна была прибегать к «военным» бюджетам. Однако ее бюджеты отличались тем, что ядро

всякого из них составлял бюджет нормальный, который обнаруживал относительную устойчивость. С другой стороны, никакой другой стране не удалось в такой мере, как Великобритании, сохранить равновесие между приходной и расходной частями бюджета. Достигнуто это было средствами «старыми, как мир». Английское правительство во время войны было достаточно широко в расходах, хотя и старалось делать их осмотрительно. После же войны оно обнаружило упорное стремление к экономии во всех частях расходного бюджета. Всякая статья его подвергалась самому тщательному обследованию и контролю. С другой стороны, чрезвычайные усилия были приложены к тому, чтобы доходы не только не отставали от расходов, а, по возможности, даже превосходили их. И здесь-то как раз и лежит секрет успеха британской финансовой политики. Британское правительство смело и энергично осуществило то, что оказалось совершенно неосуществимым для правительства германского. Оно сумело повысить налоги, в особенности подоходный, и добиться того, что главная часть налогов уплачивается не беднейшими классами населения, а обладателями крупного капитала, банкового и промышленного. Во время войны расходы без значительных затруднений покрывались займами; после войны Великобритания первая стала выплачивать свои долги и достигла, в конце концов, того, что ее бюджет является в настоящее время по существу совершенно нормальным.

Вот несколько цифр, показывающих, как справлялось Соединенное Королевство с созданными войною трудностями. Прежде всего, проследим, в какой степени общие расходы могли быть покрыты нормальными доходами.

Таблица 8.

Общие расходы и обыкновенные доходы Англии во время войны (в тысячах фунт. стерл.).

Годы.	Общие расходы.	Обыкновен. доходы.
1914—1915	560.473,5	226.695,1
1915—1916	1.559.158,4	336.866,8
1916—1917	2.198.112,7	573.427,5
1917—1918	2.696.221,4	707.234,6
1918—1919	2.579.301,2	889.020,8

Как видно из таблицы, расходы Великобритании во время войны чрезвычайно возросли. Если их сравнить с расходами

довоенными, которые в последний мирный год составляли 197 миллионов фунтов стерлингов, то окажется, что они увеличились приблизительно в 13 раз. Между тем, обыкновенные доходы возросли за то же время всего в  $4\frac{1}{2}$  раза. Отсюда и вытекала необходимость прибегнуть к внутренним и внешним займам. Для уплаты же займов по окончании войны— все более и более совершенствовалась налоговая система. В следующей таблице ясно видно, как эта система улучшает доходную часть бюджета после 1915—1916 года:

Таблица 9.

Расходы, общие доходы и доходы от налогов в Англии (в миллионах ф. ст.).

Г о д ы.	Общие расходы.	Общие доходы.	Из них налоговых.	Отношение
				налог. дохода к общ. расх. в %/о.
1913—1914	197,0	198,2	163,0	82,7
1914—1915	560,5	226,7	189,3	33,8
1915—1916	1.559,2	336,8	290,1	18,6
1916—1917	2.198,1	573,4	514,1	23,4
1917—1918	2.696,2	707,2	613,0	22,7
1918—1919	2.579,3	889,0	784,3	30,4
1919—1920	1.665,8	1.339,6	998,9	60,0
1920—1921	1.195,4	1.425,9	1.031,7	86,3

Тогда как в 1915—1916 бюджетном году налоги приносили лишь 18,6<sup>0</sup>/о всех расходов,—в 1920—1921 году они составляли уже 86,3<sup>0</sup>/о всех расходов, превзойдя по своей доходности налоги довоенного периода. Как же была организована налоговая система Великобритании, какие части ее оказались наиболее доходными? А вот как.

Таблица 10.

Налоги Великобритании в довоенное, военное и послевоенное время (в тыс. фунт. стерл.).

Г о д ы.	Общая сумма налогов.	Из них подоходный налог.	Спец. налог. на военн. прибыль.
1913—1914	163.029	47.249	—
1914—1915	189.305	69.399	—
1915—1916	290.038	128.320	140
1916—1917	514.105	205.033	139.920
1917—1918	613.040	239.509	220.414
1918—1919	784.278	291.186	285.028
1919—1920	996.960	359.093	290.045
1920—1921	1.031.725	394.146	219.181

Как видим, оба налога, приведенные в этой таблице, составляют с 1915—1916 года около 70% всех налогов. Так, Англия сумела привлечь крупный капитал и крупное имущество к участию в покрытии расходов государства. Начиная с 1920 года, приход начинает превышать расход, и Англия начинает решительно расплачиваться со своими долгами.

Что касается влияния войны на состояние английского капитала за границей, то оно, поскольку оно зависело от мероприятий английского правительства, укладывается целиком в рамки той разумной и осторожной финансовой политики, которая охарактеризована сообщенными выше фактами и цифрами.

Поскольку дело идет о ценных бумагах, то большая часть их была продана в интересах реализации нужных для ведения войны сумм; другая же часть была передана кредиторам Англии, в данном случае—Соединенным Штатам, в качестве обеспечения займа. «Federal Reserve Bulletin» сообщает, что «Securities held in the United States for British Government»—ценности, «сохраняемые» в Соединенных Штатах за счет английского правительства,—составляют в общей сложности 1.733 миллиона долларов.

Все эти мероприятия привели к тому, что масса английского капитала за границей после войны сильно уменьшилась. Профессор Эйленбург полагает, что уменьшение произошло по крайней мере вдвое, другими словами, английский капитал, инвестированный за границей, достигает в настоящее время не больше чем 1,75 миллиарда фунтов стерлингов. Эти предположения вполне оправдываются изменениями тех факторов, которые влияют на образование капитала. Присмотримся к этим изменениям несколько внимательнее.

Прежде всего ухудшается не только торговый, но и расчетный баланс. Он становится пассивным. Страна начинает больше ввозить, чем вывозить. Соотношение между производством ценностей и потреблением их резко изменяется в невыгодную сторону, и это немедленно отражается на валюте. Английский фунт, великолепный фунт, не менее горячий предмет желаний германского бюргера в инфляционное время, чем доллар,—начинает заметно падать. Сначала он опускается до 75% паритета, затем достигает даже 50%. Конечно, это удар, под которым лишь согнулась финансовая мощь Британской Империи: она немедленно выпрямилась, как только миновали тяжелые обстоятельства войны. Фунт стер-



лингов затем снова подымается, достигает 92% паритета и надолго останавливается на 96% его. За самое последнее время Англия возвратилась к золотому паритету. Однако все пережитые мытарства валюты не могли не иметь своим последствием ослабления процесса образования капитала. В этом убеждают нас и непосредственные конкретные факты.

По отчетам «Economist'a», охватывающим около  $\frac{1}{3}$  всех промышленных предприятий Англии, средний капитал акционерного общества за год до войны составлял 683.000 фунтов. В 1921—1922 году он, по тем же отчетам, увеличился и равнялся от 830 до 930 тысяч фунтов. Это увеличение, однако, как это бросается тотчас же в глаза, только кажущееся. Если мы примем во внимание ухудшение валюты и переведем указанную цифру согласно паритету, то она упадет до 560.000 фунтов золотом. Таким образом она окажется на целую треть ниже довоенной, и мы вправе сделать вывод, что акционерный капитал Соединенного Королевства вообще уменьшился на  $\frac{1}{3}$ .

Если мы обратимся теперь, подобно тому, как мы это сделали относительно Германии, к рассмотрению величины дивидендов английских предприятий, то мы увидим, что и здесь явления развивались так, как они развивались и в Германии, находясь, с другой стороны, в полном соответствии с тем, как изменялся акционерный капитал. Вот соответствующая таблица.

Таблица 11.

Дивиденд английских предприятий от 1920 г. по 1923 г.

	1920—1921.	1921—1922.	1922—1923.
Указанный % . . . . .	11,6%	7,6%	8,6%
Переведен. на золото . . . . .	3,9%	3,8%	5,2%
Абсолютн. цифра в фунт. ст. . .	71.000	—	107.000
Переведен. на золото . . . . .	30.000	—	58.000

1922—1923 год показывает известное улучшение дивиденда, которое находится, конечно, в полном соответствии с тем, что было сказано выше о финансовом положении Англии. Это увеличение отнюдь не достигло, однако, величины дивиденда мирного времени, абсолютная цифра которого составляла в среднем 66.000 фунтов стерлингов, что соответствует 8,3%. Что же касается времени, непосредственно следовавшего за годами войны, 1920, 1921 и 1922 г.г., то дивиденд в это время (3,9% и 3,8%) упал настолько низко, что

и с этой стороны образование капитала должно было испытать значительные затруднения.

Попытаемся теперь дать себе отчет в том, как изменялся капитал английских банков. Для нашей цели важна не столько общая абсолютная цифра банкового капитала, сколько изменения его. Эти изменения выпуклее в капитале больших банков. Поэтому мы, с одной стороны, приведем данные относительно капитала больших банков <sup>1)</sup>, из которых каждый обладает капиталом не меньше 9 миллионов фунтов, с другой—относительно банков шотландских, ирландских и мелких частных.

Таблица 12.

Банковый капитал Англии до и после войны (в ф. ст.).

	До войны.	После войны.
Большие банки . . . . .	114.000.000	140.000.000
Шотландские, ирландск. и частн. .	164.000.000	166.000.000
Сумма депозитов . . . . .	1.000.000.000	2.500.000.000

Увеличение банкового капитала снова только кажущееся. Если мы примем во внимание обесценение фунта, то окажется, что банковый капитал после войны не только не увеличился, а даже уменьшился. Зато, несомненно, возросли депозиты. Перевод на золото и здесь превратит 2,5 миллиарда приблизительно в  $1\frac{1}{2}$ . Все же получается небольшой излишек, относительно которого едва ли можно предполагать, как это делает Эйленбург,—что он получился лишь вследствие замедления темпа развития английской промышленности. По мнению Эйленбурга, в графу вкладов попадают лишь те суммы, которые не могут найти применения в национальной промышленности. Точка зрения, несомненно, односторонняя, и правильное было бы просто-на-просто заключить, что увеличение депозитов развивается, но не столь быстро, как это было бы необходимо в интересах восстановления резервов английского капитала за границей.

Все рассмотренные нами явления говорят с полной очевидностью о том, что аккумуляция капитала в Англии довольно заметно ослабела. В этом же направлении действовали и такие причины, как безработица, падение вывоза, приостановка доменных печей, уменьшение добычи угля, развитой подоходный налог.

<sup>1)</sup> Barclay, Lloyds, London Joint City and Midland, London County Westminster and Pan etc.

Значительный интерес представляет (отчасти в связи с только что приведенным мнением Эйленбурга) то, каких сумм достигали и как распределялись английские капиталы, вложенные в промышленность.

Таблица 13.

Английский капитал в промышленности (в милл. ф. ст.)

Назначение капитала	1911—1913 г.г.	1920—1922 г.г.	
		бум. фунты	золото
Капитал в национальной промышленности . . .	134,2	1.137	499
Капитал, инвестированный за границей . . .	522,4	317	146
Всего . . .	656,6	—	645

Эта таблица чрезвычайно интересна. Прежде всего она обнаруживает, что общая масса капитала, вложенного в промышленность, уменьшилась так мало, что ее можно счесть оставшейся без изменений. Этим весьма определенно рисуется характер инвестирования английского капитала. Очевидно, капитал этот гораздо постояннее в своем отношении к промышленности, чем в отношении к другим родам инвестирования. С другой стороны, капитал, вкладываемый в промышленность, обнаружил явно националистические тенденции. Чрезвычайно—почти в 4 раза—возрос капитал, вложенный в отечественную промышленность, и во столько же раз уменьшился капитал, инвестированный в чужеземной промышленности. Это находится в ярком противоречии с приведенным выше мнением Эйленбурга; интерес этого факта лежит, однако, не в этом обстоятельстве, а в том, что здесь открывается до известной степени завеса, отделяющая будущее.

В самом деле. Финансы Англии явно здороваются. Процесс образования капитала, приостановленный или ослабленный во время и непосредственно после войны, скоро сделается не менее интенсивным, чем он был до войны. Но характер инвестирования будет, очевидно, таким, как это обнаруживается уже в настоящее время. Английский капитал будет по преимуществу употребляться на расширение английской же промышленности. А поскольку он будет покидать родной остров, он будет направляться в Канаду, Австралию, Новую Зеландию и в прочие «доминионы», ибо желание Англии создать вместе со своими колониями единое самодовлеющее

хозяйственное целое—нисколько не уменьшилось. Иллюзия, что вывозом своих капиталов она создаст себе рынки сбыта в доминионах, еще достаточно сильна в буржуазной Англии. Этой-то иллюзией и питается экономический ее национализм (ср. Кэйнс).

Экономическая жизнь СССР найдет известную общность с английской экономикой. Промышленность СССР привлечет в известной доле английский капитал. Но решения этого вопроса в окончательной форме резервами Англии мы ожидать не должны. Главной массы нужного нам капитала мы должны искать в другом месте.

## V. ФРАНЦУЗСКИЙ КАПИТАЛ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Обращаясь к Франции, мы прежде всего встречаемся с фактом, который как будто бы противоречит нашим положениям, развитым в первых главах. Франция вывозила в довоенное время весьма значительную часть своего капитала за границу. Вывоз этот иногда доходил до 80% всего аккумулированного в стране капитала. Следовательно, вывоз французского капитала был одним из самых интенсивных. Между тем довоенная Франция отнюдь не принадлежала к странам с сильно развитой промышленностью. Напротив того, Франция не могла идти в этом отношении ни в какое сравнение не только с Соединенными Штатами, но даже с Германией и Англией. Ее просто-на-просто можно было считать промышленно и хозяйственно отсталой страной, с устарелыми способами производства, с целым рядом застывших в своей рутине отраслей национального труда. Каким же образом аккумулировался тот капитал, который в таких значительных размерах вывозился за границу? Откуда брался он и почему не употреблялся на развитие национального производства?

Ответом на этот вопрос служит тот факт, что Франция сделалась промышленной страной в эпоху, когда многие страны продолжали еще оставаться земледельческими. Великая Французская Революция знаменует собой конец земледельческой Франции и начало ее индустриализации. Естественно, в эту эпоху, когда только что была изобретена знаменитая ткацкая машина «Дженни», когда еще только должен был появиться паровой двигатель,—индустриализация.



происходила в формах, весьма отличных от тех, в каких она происходит в настоящее время. Техника производства была более примитивной, и, поскольку она сохранилась, она становилась отсталой по отношению к технике производства стран, опередивших Францию в хозяйственном развитии.

Франция была одною из самых передовых хозяйственных стран в конце XVIII и в начале XIX в.в. и только с развитием Америки, Германии и по сравнению с Англией оказалась затем отсталой. Главные массы французского капитала аккумулировались как раз вскоре после революции, и довоенная Франция, со всей своей индустрией, жила по преимуществу «на проценты с этого капитала». Вывозившийся Францией капитал не поглощался в стране, потому что формы ее промышленности не прогрессировали; его меньшие по сравнению с Англией размеры объясняются тем, что главный момент его аккумуляции находится далеко позади по сравнению с моментом вывоза. Составляя большую часть национального капитала вообще, инвестированный за границей капитал французский по своим абсолютным размерам заметно уступал английскому. Каковы же размеры находившегося до войны за границей французского капитала?

Ответ на этот вопрос несколько различается в зависимости от того, на основании каких источников мы пытаемся на него ответить. По французским источникам, за границей было помещено до войны 45 миллиардов франков французского капитала. Цифра эта представляется, однако, явно преуменьшенной. Как мы знаем, в одной дореволюционной России было помещено не меньше 16 миллиардов франков. Если мы обратимся к источникам американским, то прямых указаний на цифру капитала мы там не найдем. Зато узнаем, что Франция получала по своим займам около 3 миллиардов франков в виде процентов. А это приводит нас к выводу, что находившийся за пределами своего отечества французский капитал был никак не меньше 50 миллиардов франков, а может быть, и значительно больше. Каким же образом распределялись эти денежные массы?

Около двух пятых французского капитала, инвестированного за границей, были заняты иностранным государствам, точнее—правительствам. Остальные три пятых были вложены в промышленные и связанные с ними предприятия,—как, например, металлургическая промышленность, горная промышленность, железные дороги и т. п. В абсолютных

цифрах это выразится приблизительно так, что около 15 миллиардов франков находились в государственных займах и около 22,7 миллиарда—в индустриальных предприятиях.

Займы Франции, по мнению профессора Эйленбурга, носили «высоко политический характер». Мнение это нельзя не признать обоснованным. Быть может, самым красноречивым фактом этой категории являются денежные отношения, установившиеся между Францией и дореволюционной Россией. Для чего Франции нужно было поддерживать займами русское реакционное правительство,—показала война. Без подготовленных французскими деньгами кровавых жертв России—Франция и ее «союзники» не были бы в состоянии одержать победу. Невозможно было бы также отрицать и того, что важные цели международной политики преследовало французское правительство, когда оказывало более или менее широкую финансовую поддержку балканским государствам, в особенности Турции. Кроме названных стран, французским капиталом пользовались Бразилия, Аргентина, Австрия и т. д. Совершенно не находил себе применения французский капитал лишь в немногих странах и среди них прежде всего—в Германии.

Нужно сказать, что отличительная особенность французского рантье—умение соблюдать экономию—господствовала и в характере инвестирования французского капитала. Затратив однажды известную часть своего национального богатства на участие в иностранной, государственной и частной, хозяйственной жизни, Франция старалась этой части не увеличивать. Так как суммы были так велики, что проценты по ним, как мы видели, сами по себе достигли огромных размеров, то к этому и не представлялось настоятельной нужды. Достаточно было для нового инвестирования пользоваться этими процентами, чтобы удовлетворить все нужды французской внешней финансовой политики.

Франция заслуженно приобрела репутацию «всеобщего банкира». Не то, чтобы массы вывозимого ею капитала были так грандиозны. Как мы видели, она уступает в этом отношении Англии. Но она вывозила свой капитал не как излишек сверх поглощаемого внутри страны, как то делала Великобритания, а вывозила его преимущественно и зачастую даже явно в ущерб потребностям у себя дома. Развившиеся внешне-финансовые отношения составляли даже заметное препятствие к внутреннему хозяйственному развитию Фран-

ции. В особенности в последние перед войною годы, когда ярко обнаружились богатства района Бриё, вывозящая капитал Франция ощутила внутри страны недостаток капитала, как если бы она была земледельческою страной, подобно Италии или России. Тогда как Франция в иностранной промышленности инвестировала 22,7 миллиарда франков, в промышленности отечественной ею было инвестировано всего-навсего 12,8 миллиарда. В таком же пренебрежении у французского капитала находилось и собственное французское государство. Иностранным правительствам были предоставлены, как мы видели, займы на 16 миллиардов франков. Если бы Франция по отношению к собственным нуждам соблюдала ту же пропорцию, как, например, Италия или Германия,—то своему правительству она оказала бы кредит, по крайней мере, в два раза больший. Однако она ссудила ему всего лишь 17 миллиардов франков, распределяя, таким образом, свой капитал поровну между родиной и чужими странами. Мало-по-малу иностранные займы становятся регулярной функцией французского народного хозяйства; в нем появляются специальные ведающие этим «отправлением» органы—в виде так называемых «деловых банков», специфической задачей которых и является финансирование иностранной промышленности.

Таково было положение во Франции до войны. Каким же оно стало после войны?

Уже а priori мы должны предполагать здесь полную перемену. Франция является победителем в войне, как Германия—побежденным. То, что привнесено этим результатом, этим исходом войны в немецкое хозяйство с отрицательным знаком, с «минусом», то входит в хозяйство французское с положительным—с «плюсом». Перемены для Франции должны быть не менее радикальны, следовательно, чем для Германии, если их конечное значение и должно быть иным. Из войны финансовый аппарат Франции вышел в высшей степени потрясенным, ее хозяйство испытало все отрицательные стороны ненормального приспособления к войне и военному производству не в меньшей степени,—быть может, даже в большей,—чем хозяйство Германии. Внутри страны должны были образоваться потребности столь острые, нужды столь настоятельные, что весь свободный запас капитала, даже целиком оставаясь в стране, мог оказаться совершенно недостаточным для их покрытия. Вывоз капитала должен был

претерпеть радикальные изменения. Так на самом деле и произошло.

Война и победа поставили перед Францией целый ряд новых задач, связанных с огромными затратами капитала. В первую очередь Франция должна думать о восстановлении разрушенных во время войны областей. Целый ряд цветущих местностей, городов и деревень, возделанных полей и индустриальных предприятий был снесен с лица земли—«прекрасной земли Франции» (*«belle terre de la France»*)—немецкими снарядами. Франция была главным театром военных действий, и это создало для нее потери, каких не знает даже побежденная Германия. Восстановление разрушенных областей подвигается медленно и требует совершенно исключительных финансовых жертв.

Но не только исправление бед сопряжено с затратами капитала. Они необходимы и там, где Франция может воспользоваться плодом своих усилий и своей политики. Новые провинции, присоединенные к Франции по Версальскому договору, колонии, увеличивающие собой ее «Колониальную Державу»—организация их управления, военное устройство, хозяйственное приспособление к организму Франции,—все это требует затрат капитала, столь значительных, что во всех этих случаях скорее можно говорить о его недостатке, чем о его избытке. Но затраты капитала этим всем не ограничиваются.

За короткое сравнительно время, протекшее с момента окончания войны, происходило экономическое возрождение всей страны, залечивание ран, нанесенных всему ее хозяйственному организму. И вот, многое заставляет думать, что это восстановление не было восстановлением в тесном смысле слова, т.-е. доведением Франции во всех отношениях до уровня довоенного. Нет. По всем признакам, отсталая индустриально Франция употребляет все усилия, чтобы выйти из этого состояния. И в настоящий момент она может констатировать огромные успехи в этом направлении. Если некогда в применении к Франции господствовало мнение, высказанное еще Сюлли, что «земледелие и пастушество—две груди, которыми питается Франция», если это в менее наивной форме повторил на Каннской конференции Ллойд-Джордж, заявивший, что «Франция по существу страна земледельческая»,—то факты последнего времени говорят прямо противоположное.



Пьер Альбен<sup>1)</sup>, на основании сложных подсчетов, констатирует, что на каждую тысячу человек приходится в современной Франции 410 человек, занятых в промышленности, и только 350—занятых в земледелии. Если вспомнить, что промышленный труд сам по себе интенсивнее земледельческого, то этот факт самым несомненным образом говорит о том, что современная Франция — страна индустриальная в смысле преобладания промышленности, как рода занятия, и продуктов промышленности, как части национального богатства. В полной гармонии с этим находится и факт роста городского населения, которое достигает в настоящее время во Франции 48<sup>0</sup>/<sub>0</sub> всего населения. Рядом цифр упомянутый автор показывает, как росло во Франции ежегодно количество продуктов промышленности и как подымалась их ценность. Из этих цифр мы приведем здесь только две: характеризующие разницу между последним довоенным годом—1913 и 1923 годом. Обе цифры относятся к вывозу продуктов промышленности и составлены на основании таможенной статистики. За первые семь месяцев 1913 года вывезено было 1.268.407 тонн<sup>2)</sup> продуктов промышленности, а за первые семь месяцев 1923 года—1.606.606 тонн. Увеличение составляет, таким образом, 338.199 тонн, которые обнимают собой автомобили, каучуковые изделия, продукты химической промышленности, предметы роскоши и т. д.

Параллельно с этим шло увеличение торгового флота: от 2 миллионов тонн до войны французский торговый флот увеличился в настоящее время до 3,6 миллиона тонн, т.-е. вырос немногим меньше чем вдвое. Если же мы к этому прибавим общее обновление и улучшение промышленного производственного инвентаря, то мы поймем, что на-ряду с индустриализацией современной Франции и ею обусловленное—внутри страны происходит постоянно растущее инвестирование капитала, которое весьма мало оставляет для вывоза за границу.

Однако не только внутренние условия, беглую картину которых мы только что набросали, были помехой вывозу французского капитала. Сами внешние условия складывались

---

<sup>1)</sup> Un grand fait économique. L'information (fin écon., etc.), Nr. 260, 3/XI/1923.

<sup>2)</sup> Вывоз в данном случае дан в тоннах, ибо падение франка сделало бы невозможным сравнение по ценности.

так, что отсутствие предложения дополнялось отсутствием спроса, что вывозить капитал Франции, если не считать находящихся под ее сугубым покровительством стран, как Польша, Румыния и Греция,—стран, неспособных по условиям своего внутреннего развития поглотить большие количества капитала,—почти некуда. В самом деле. Вывозить капитал Франция могла бы—либо в страны с высокой валютой, либо в страны с валютой низкой. Но первое весьма существенно затрудняется низким курсом французского франка, второе же—господствующей в странах с низкой валютой—неустойчивостью хозяйственного положения.

Под влиянием всех этих причин и произошло то поражающее обстоятельство, что Франция, этот «всемирный банкир», за время от 1919 до 1922 года разместила за границей только 716 миллионов франков, что, принимая во внимание обесценение франка, составляет не больше 200 миллионов золотых франков ежегодно. Как велика разница по сравнению с вывозом французского капитала до войны, видно из того, что до войны французы ежегодно инвестировали за границей 2,75 миллиарда франков. Если прежде в среднем 73<sup>0</sup>/<sub>0</sub> всего образующегося во Франции капитала уходило за границу, то теперь его уходит только 1—2<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Само собой разумеется, что назначение этих 1—2<sup>0</sup>/<sub>0</sub> остается в такой же мере «высоко-политическим», как и прежних 73<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Помимо Польши и т. д., Schneider-Creuzot участвует в «Skodawerke», банк Union Parisienne—в «Ungarische Kredit Bank» и т. д.

Итак, с французским капиталом произошла радикальная перемена в навыках: вместо блужданий за границей он стал оставаться дома; Франция утратила свое значение «всемирного банкира». Однако не только экстенсивное развитие капитала парализовалось после войны,—уменьшился также и его интенсивный рост. Темп образования капитала, несомненно, замедлился. Одной из главных причин является то уменьшение народного благосостояния, которое сказывается в ухудшении французской валюты. Вместо 19,3 доллара за 100 франков перед занятием Рура можно было получить лишь от 7 до 7,5 доллара, а в феврале 1924 г.—только около 4. Между тем пассивность торгового баланса Франции уменьшается: до войны она составляла 17<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, в 1919—1921 годах понизилось до 14<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а в 1924 г. баланс Франции впервые оказался активным. Правда, в то же самое время чрезвычайно выросла задолженность самой Франции за границей.

На-ряду с ухудшением франка на внешнем рынке происходит обесценение его на внутреннем рынке (падает его покупательная сила). В общем бумажно-денежное обращение Франции после войны увеличилось на 250/0, что составляет в абсолютной цифре 7 миллиардов франков. Общая цифра обращающихся в стране бумажных денег составляет 37 миллиардов франков. Следовательно, французское денежное обращение, как в свое время немецкое или русское—хотя, конечно, в меньшей степени—страдает от инфляции. Рост денежной инфляции сопровождался усилением кредитной инфляции. Количество выпущенных краткосрочных обязательств составляло огромную сумму; так, например, так называемых «bons de la défense nationale» было выпущено на 87 миллиардов франков, из которых только  $\frac{1}{3}$  оставалась в Banque de France, тогда как  $\frac{2}{3}$  перешли в частные руки и в банки, т.-е. усилили господствовавшую инфляцию.

Непосредственно замедление темпа образования капитала сказывается во многих явлениях. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего: как изменялась сумма вкладов в сберегательные кассы? В 1919—1922 г.г. сумма вкладов равнялась 6,98 миллиарда франков: в июле 1923 года она составляла 9,28 миллиарда—на 2,3 миллиарда больше. С тех пор, однако, произошло новое обесценение франка, и 9,28 миллиарда превращаются в 2,6 миллиарда золотом, даже если не считаться с новейшим падением франка. В общем сумма вкладов изменяется чрезвычайно мало.

С 1919 по 1922 год в ценные бумаги во Франции вложено 148 миллиардов. Эта сумма значительно превосходит сумму всего военного долга Франции, составляющего 100 миллиардов франков. Эта цифра, однако, точно так же утратит свое значение, если ее подвергнуть более внимательному анализу. Так, в 1921 году в ценные бумаги было вложено в общем 39 миллиардов франков. Среди них находилось, однако, на 23 миллиарда краткосрочных векселей, и лишь остальные 16 миллиардов представляют собою длительный вклад в промышленность. В переводе на золото они превратятся в значительно более скромную сумму—около 4 миллиардов франков.

Если мы обратимся к данным об инвестировании капитала в промышленности, то мы узнаем, что в 1919—1922 г.г. инвестировано было 12,7 миллиарда—против 9,12 миллиарда

до войны. Ежегодно инвестируется, таким образом, 3,2 миллиарда или около 700 миллионов франков золотом.

Но как обстоит дело с крупными банками и с их капиталом и депозитами?

Как было уже указано выше, «специальность» финансирования иностранных предприятий создала во Франции особый тип банков, нарочито этим занимающихся, так называемых «деловых банков» («Banques d'affaires») — в отличие от банков депозитных. Рассмотрим движение капитала между 1913 и 1922 г.г. в четырех депозитных и 6 «деловых» банках. К первой группе принадлежат самые крупные, хорошо всем известные французские банки: Crédit Lyonnais, Société Générale, Comptoir National d'Escompte, Crédit Industriel. Вторую группу образуют банки менее крупные, но не менее известные: Banque de Paris et des Pays-Bas, Banque française pour le Commerce et l'Industrie, Société Centrale des Banques de Province, Crédit français, Banque de l'Union Parisienne, Crédit Mobilier français.

Вот как изменился акционерный капитал, вклады и баланс этих банков в указанное время.

Таблица 14.

Капитал французских банков в 1913—1922 г.г.  
(в миллионах франков).

	1913 г.	1922 г.
Акционерный капитал с резервами		
1-й группы (депоз. банки) . . . . .	1.296	1.454
То же, 2-й группы (деловые банки) . . . . .	450	800
Вклады 1-й группы . . . . .	5.400	13.500
		Конец 1920 г.
Общий баланс 2-й группы . . . . .	1,7	4,4

Анализ этой таблицы представляет значительный интерес. Прежде всего, акционерный капитал больших банков остался почти без перемен: увеличился на 58 миллионов. Больше увеличение капитала в деловых банках. Однако в общем в обеих группах капитал возрос всего на 29<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Обеспечение валюты для акционерного капитала не имеет большого значения, если растут депозиты. Как же обстоит дело с ними?

Депозиты возросли больше чем в 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> раза. Но, принимая в расчет обесценение франка, вместо 13<sup>1</sup>/<sub>2</sub> получим всего 4 миллиарда франков, — следовательно, фактически сумма вкладов уменьшилась на 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> миллиарда. Что касается деловых банков, то депозиты здесь не являются характерными для



их оборотов; поэтому сравнение и следует произвести не по сумме депозитов, а по размерам общего баланса. Увеличение в 1920 году по сравнению с довоенным временем произошло на 1300/0. В золотых франках этому будет для 1920 г. соответствовать сумма в 840 миллионов франков, т.-е. вдвое меньшая, чем в 1913 году.

Итак, изменение величины банкового акционерного капитала, вкладов и балансов происходило за военное и в послевоенное время во Франции таким образом, что мы скорее должны предположить уменьшение французского капитала, чем его увеличение. В связи с большими потребностями внутри страны, капитал французский не мог не утратить своей тенденции к движению на иностранные рынки.

Так как образование капитала находится в самой тесной связи с состоянием государственных финансов и финансовой политикой правительства, то бросим в заключение взгляд на то, как складывается и то и другое в последнее время во Франции.

Около полугода тому назад с резкой критикой финансовой политики правительства выступил в сенате сенатор Беранже. Он дал следующую картину задолженности Франции.

Таблица 15.

Задолженность Франции в 1923 г. (в миллиардах франков).

1. Внутренний и внешний долг Франции (Dette publique) .	337
2. Неуплаченные %/0 по этому долгу . . . . .	5
3. Спец. репарационные долги . . . . .	132
4. Ликвидация особых счетов . . . . .	1

Всего . . . . 475

Откуда же берутся все эти долги, какова та главная статья расхода, которая создает эту чудовищную задолженность? Ответ на этот вопрос дает следующая таблица, в которой указаны военные расходы Франции в 1921 и 1922 г.г.

Таблица 16.

Военные расходы Франции в 1921 и 1922 г.г. (в миллионах франков).

	1921 г.	1922 г.
Войско . . . . .	4.462	3.596
Флот . . . . .	952	768
Колонии . . . . .	218	231
Пенсии . . . . .	191	207
Всего . . . .	5.823	4.802

Как видим, расходы эти таковы, что бюджет французский в настоящее время вполне может быть назван империалистическим. В 1922 году военные расходы составили  $\frac{1}{5}$  всего прихода, а в 1921 году даже больше  $\frac{1}{4}$  прихода.

Если к военному бюджету прибавить бюджет по «восстановлению разрушенных областей», то ясен станет источник огромной дефицитности французского государственного хозяйства. А между тем промышленный рост Франции, нами отмеченный, совершался главным образом за счет бюджета «восстановления». Получалось парадоксальное явление страны, в которой на основе гибнущих финансов происходило «подпольное» накопление капитала.

Подпольно скопившийся капитал ищет и подпольных выходов. За последнее время, под влиянием растущего обесценения франка, за границу направились целые потоки капитала. (Кашэн оценивает «бежавший» капитал в 17 млрд. франков; influentialный орган финансовых кругов «Information» оценивает ежегодные сбережения в 20 миллиардов бумажных франков, что составляет  $6\frac{1}{2}$  млрд. золотых франков, по сравнению с 3—4 миллиардами довоенных сбережений за год.)

Вольется ли часть этого «подпольного» потока в СССР,— это прежде всего зависит от политических факторов. Во всяком случае рассчитывать на большой приток при данных условиях не приходится.

---

## VI. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ КАК СТРАНА НАКОПЛЕНИЯ И ВЫВОЗА КАПИТАЛА

Современный читатель, хотя бы отчасти знакомый с положением дел на международном рынке капитала, без сомнения, давно уже задает себе вопрос: а Соединенные Штаты? Как обстоит дело в прошлом с этой заокеанской державой, у которой в настоящий момент в долгу все европейские и многие неевропейские государства? Ведь, не со вчерашнего же дня начала вывозить свой капитал эта страна, сумевшая скопить сказочные богатства?

Ответ на этот вопрос—как бы ни был подготовлен к нему читатель—все же несколько поражает: Соединенные Штаты до войны не только не вывозили в Европу капитала, но

сами были в долгу у европейских государств. Как же образовался этот долг и каких размеров достиг он?

Главной причиной довоенной задолженности Соединенных Штатов было то обстоятельство, что они не владели собственным торговым флотом в достаточных размерах. Для все растущего вместе с развивающейся торговлей транспорта Америка вынуждена была пользоваться флотом английским и немецким, вследствие чего вырастала пассивность американского расчетного баланса. Каковы пределы этого роста пассивности? Она достигла, приблизительно, 7 миллиардов долларов. И если общий долг Соединенных Штатов не достигал этой огромной цифры, то это происходило лишь потому, что Соединенные Штаты все же в странах американского материка разместили около 3 миллиардов долларов. Эти суммы размещены были в Канаде, Мексике и государствах Южной Америки. Принимая во внимание это инвестирование капитала, мы приходим к выводу, что задолженность Соединенных Штатов до войны составляла около 4 миллиардов долларов. Это и есть та цифра, какую указывает в великолепной статье своей о развитии Соединенных Штатов в новое время Вильям Нотц<sup>1)</sup>. С ним сходится другой исследователь этого вопроса, неоднократно упомянутый нами, немецкий профессор Эйленбург, который на основании данных «*Commercial & Financial Chronicle*» сообщает, что ежегодный процент по долгу Соединенных Штатов составлял 160 миллионов долларов. Это же соответствует задолженности больше чем на 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> миллиарда долларов. Таким образом, до войны Соединенные Штаты были в долгу у Европы на 4 миллиарда долларов!

Как изменились обстоятельства с тех пор! Соединенные Штаты в настоящее время не только расплатились со своими долгами, но и ссудили огромные суммы денег другим державам. Из должника они превратились в кредитора. В общей сложности за столь короткое время они вывезли около 15 миллиардов долларов.

Уже эта сумма сама по себе говорит о чрезвычайном, совершенно исключительном развитии финансовой мощи и, как базы ее, экономического благосостояния заокеанской рес-

---

<sup>1)</sup> Dr. William Notz. „Neuere Entwicklungen in der weltwirtschaftlichen Stellung der Vereinigten Staaten“. Weltwirtschaftliches Archiv. Januar 1923.

публики. И все же хозяйственный прогресс ее настолько значителен, что рассмотрение любой ветви ее народного хозяйства вызывает у всякого наблюдателя искреннее изумление. Познакомимся с некоторыми сторонами ее экономической жизни в последнее время.

Если Соединенные Штаты уже прежде были самой богатой страной земного шара, то за время войны их богатство увеличилось до крайности. Из воюющих—и даже невоюющих, а лишь осторожных—держав не было ни одной, которая в той или иной степени не использовала бы для военных целей неисчерпаемых производственных возможностей Соединенных Штатов. С уверенностью можно сказать, что если бы не производительные силы Америки,—воюющие державы лишились бы огромного количества пушек, пулеметов, ружей и снарядов, и чудовищная цифра убитых и искалеченных людей была бы в несколько раз меньше. Уступая бездушной экономической необходимости, далекая от идеалов и 14-ти пунктов Вильсона, промышленность американская щедро дарила тех, кто «дерзко нарушил европейский мир», и тех, кто сражался «во имя прогресса и справедливости». До известной степени можно утверждать, что война была соревнованием одних американских орудий с другими американскими орудиями убийства; одних средств производства военных орудий, машин, станков и инструментов—с другими средствами производства того же происхождения. Об автомобилях же и говорить нечего. Трудно решить, сыграли ли большую роль американские автомобили в сражении на Марне или во время отступления австрийских и германских войск в конце войны. Две символические буквы «U. S.» своим участием в войне повлияли на ее исход раньше, чем они стали отмечать воротники военных мундиров веселых солдат, переплывших океан. Какое же значение имело это обстоятельство для экономического развития Соединенных Штатов? А вот какое.

Прежде всего познакомимся с тем, как возрастал национальный доход Соединенных Штатов или, что то же, как увеличивалась общая стоимость их производства (промышленности и сельского хозяйства) <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Ср. упомянутую статью Нотца, а также „Bullétin de la Statistique générale de la France“, Juillet 1923.

Таблица 17.

Стоимость производства или национальный доход  
Соединенных Штатов.

Г о д ы.	Общий доход в миллиардах долларов.	На голову населения долларов.
1909	28,8	319
1914	33,2	335
1915	36,0	358
1916	45,4	446
1917	53,9	523
1918	61,0	486
1919	65,0	—

Конечно, до войны производство Соединенных Штатов было огромно. Стоимость его—почти 29 миллиардов долларов в 1909 году—чрезвычайно велика. Однако эта цифра бледнеет перед дальнейшим развитием производства. Уже в первом военном году его стоимость достигла 33,2 млрд. долларов. Затем оно последовательно и непрерывно увеличивалось, без всяких скачков. Уже в 1917—1918 году оно удвоилось по сравнению с довоенным временем, достигнув в 1919 году цифры в 65 миллиардов долларов—слишком вдвое большей чем в довоенное время. Точно так же непрерывен и рост национального богатства, приходящегося на голову населения. Уменьшение его в 1918 году объясняется, явно, «увеличением народонаселения», совпавшим с возвращением американских войск на родину.

Особенностью американского народного хозяйства с давних пор является гармоничность развития обеих главных составных частей производства: промышленности и сельского хозяйства. Если в первое время войны могло казаться, что львиная доля заказов выпадает на долю индустрии, то очень скоро уже впечатление это изменилось, по крайней мере, в том смысле, что не обиженным осталось и сельское хозяйство. Очень скоро после начала военных действий обнаружилось, что драчунам нехватает не только оружия и снарядов, но и хлеба, и мяса. И вот, бесконечное множество муки и замороженного мяса, овощей, фруктов и консервов отправилось через океан из Нового Света на залитые кровью поля Старого. Гармоническое соотношение между производством сельскохозяйственным и индустриальным продолжало



сохраняться, если рост первого происходит все же не столь быстро, как рост второго. Вот таблица, показывающая, как изменилось производство по трем основным группам— сельского хозяйства, индустрии и промышленности добывающей,—если принять производство конца прошлого столетия за 100. Конечно, это не означает, что в исходном году производство по всем этим отраслям было одинаковым. Параллельно таблица указывает также и рост народонаселения Соединенных Штатов.

Таблица 18.

Рост производства индустрии, сельского хозяйства и промышленности добывающей в С. Ш. С. А.

Г о д ы.	Прирост населен.	Произв. индустр.	Произв. сельск. хоз.	Произв. добыв.
1899	100,0	100,0	100,0	100,0
1909	121,0	163,4	118,1	189,4
1913	129,6	187,1	122,1	227,2
1916	134,8	218,6	124,9	267,0
1917	136,5	215,2	135,0	277,2
1918	138,1	214,0	133,2	279,6
1919	139,7	195,3	137,6	228,4

Как видим, непосредственно перед войной (1913) и в начале ее (1916 г.) индекс сельскохозяйственного производства заметно отставал от индекса народонаселения. Следовательно, увеличение индекса сельского хозяйства в 1917, 1918 и 1919 г.г. было бы неправильно объяснять только приростом населения. Здесь явно сказывается спрос на сельскохозяйственное производство Северной Америки со стороны изголодавшейся Европы. Кроме того, к производству сельскохозяйственному не отнесено заготовление консервов и производство таких заведений, как скотобойни в Чикаго. Что касается ценности сельскохозяйственного производства, то оно в последние 6 лет составляло в среднем около 18 миллиардов долларов ежегодно, что, как это видно из таблицы 17-й, составляет около 30<sup>0</sup>/<sub>0</sub> всего производства Соединенных Штатов.

Следующая таблица показывает, насколько возросло сельскохозяйственное производство Соединенных Штатов за 10-летний период:

Таблица 19.

С.-х. производство С. Ш. С. А. от 1909 по 1919 г.

	Единица.	1909 г.	1919 г.	Прирост в %
Маис . . . . .	бушель	2.552.189.639	2.349.301.825	—7,9
Пшеница . . . . .	„	683.379.259	945.403.215	38,3
Овес . . . . .	„	1.007.142.980	1.055.182.798	4,8
Ячмень . . . . .	„	173.344.212	122.024.773	—29,6
Рожь . . . . .	„	29.520.457	75.992.223	157,4
Земл. орехи . . . . .	„	19.415.816	27.449.930	41,4
Сено . . . . .	тонна	93.453.735	128.596.615	32,0
Табак . . . . .	фунт	1.085.764.806	1.378.734.095	30,6
Хлопок . . . . .	баул	10.649.268	11.376.130	6,8
Сах. свекла . . . . .	тонна	3.932.857	5.993.409	52,4
Картофель . . . . .	бушель	389.194.965	290.754.580	—25,3

Наибольшее увеличение произошло, как видим, для ржи, «земляных орехов», пшеницы, свеклы и сена. В особенности велико оно для ужи: на целых 157<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Все это «хлеб насущный», в котором ощущается сильный недостаток в Европе. Само собой разумеется, что увеличение сельскохозяйственного производства сопровождалось также увеличением и площади посева, которое особенно велико было для ржи: 249,8<sup>0</sup>/<sub>0</sub>.

Присмотримся теперь несколько внимательнее к росту американской промышленности. Посмотрим, как изменилось за время войны число больших предприятий, насколько выросло число занятых лиц, в какой мере увеличился капитал, инвестированный в промышленности, как изменилась стоимость материалов и какую стала стоимость производства:

Таблица 20.

Рост американской промышленности от 1914 по 1919 г.

	1914 г.	1919 г.	Увеличение.
Число больших предприятий . . . . .	275.791	290.105	14.314
Число занятых лиц (раб. и служ.) . . . . .	7.036.247	9.096.872	2.060.125
Капитал . . . . .	22.790.979.937	44.569.593.771	21.778.613.834
Стоимость материалов для 14 групп . . . . .	14.000.000.000	37.000.000.000	13.000.000.000
Стоимость производства . . . . .	24.000.000.000	62.000.000.000	38.000.000.000

Данные этой таблицы поистине замечательны. Можно утверждать, что они знаменуют собой промышленный рост, который никогда ни при каких обстоятельствах до сих пор

не наблюдался в истории для такого короткого времени. Число больших предприятий увеличилось в пятилетний промежуток почти на 15.000. Это, конечно, цифра отнюдь не безразличная. Однако она не поражает современного воображения; привыкшего оперировать цифрами, гораздо более внушительными. Большее впечатление производит увеличение числа рабочих, за то же время достигшее двух миллионов человек (немногим меньше 30%). И уж совершенно подавляет масса вложенного вновь в производство капитала. Почти 22 миллиарда долларов! Но если грандиозна эта сумма уже сама по себе, еще большее впечатление производит она, если принять во внимание, что она знаменует собой увеличение капитала за пятилетний промежуток в два раза против прежнего уровня. Конечно, в той или другой местности, в той или другой стране—в начале ее промышленного развития мыслимо увеличение капитала в два и больше раз за самое короткое время. Но здесь дело идет о могучем экономически государстве, с хозяйственным аппаратом, совершенно сложившимся, с технической организацией, выдвигавшей его и до этого на первый план среди всех существующих государств. А что дело идет здесь не об ударном, наскоро достигнутом результате, когда необходимость заставляет многое приносить в жертву, а об органическом и целесообразном, несмотря на всю свою поспешность, развитии,—явствует из аналогичного увеличения стоимости как сырого материала, переработанного в то же время в американской промышленности, так и продуктов производства. Стоимость материала увеличилась также почти вдвое, стоимость же произведенных товаров возросла больше чем в 2½ раза. Нисколько не удивительно, поэтому, что темп развития некоторых отраслей промышленности сделался за это время в истинном смысле слова лихорадочным. В первую очередь это относится к автомобильной промышленности (увеличение за короткое время в 500 раз) и вообще к производству моторов внутреннего сгорания. Как известно, Соединенные Штаты занимают далеко не последнее место по производству нефти. Нефть добывается и эксплуатируется в Америке уже в течение 63 лет, и за это время оказалось израсходовано 36% всего американского запаса. Добыто же всего уже 9 миллиардов барилей из общего запаса Соединенных Штатов в 14 миллиардов барилей. И, при установившемся темпе потребления нефти, Соединенные Штаты че-

рез 18 лет остались бы совершенно без нефти, если бы они, подобно другим странам, не вступили на путь хищнической нефтяной политики, которая заставляет их искать нефтяных «концессий» по всему свету, и в настоящее время привела, например, к тому, что 70—80% производства Мексики находятся в американских руках. Этот чудовищный рост потребления нефти и развитие связанных с этим отраслей промышленности дает картину тем более яркую, что все другие страны, несмотря на все попытки соперничать в этом отношении с Соединенными Штатами, оказались в состоянии до сих пор израсходовать только около 10% имевшихся в их распоряжении запасов.

Так чудовищно развилось за время войны производство Соединенных Штатов. Так как Соединенные Штаты производили, как мы видели, по заказам воюющих держав, и почти все увеличение производства произошло под влиянием иностранных заказов, то одновременно с производством, ясное дело, развилась и внешняя торговля Соединенных Штатов. Вот цифры, показывающие, в какой мере это произошло:

Таблица 21.

Стоимость внешней торговли Соединенных Штатов  
(в тыс. долл.).

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Сумма.
1912	1.818.073	2.399.217	4.217.291
1915	1.778.596	3.554.670	5.833.267
1916	2.391.635	5.482.641	7.874.276
1917	2.952.467	6.233.512	9.185.980
1918	3.031.212	6.149.087	9.180.800
1919	3.904.364	7.920.425	11.824.790
1920	5.278.481	8.228.016	13.506.497
1921	2.509.025	4.485.122	6.994.148
1922	3.113.000	3.765.000	6.878.000
1923	3.792.000	4.168.000	7.960.000
1924	3.554.000	4.311.000	7.865.000

Как видим, стоимость американской внешней торговли достигла совершенно исключительных по своей величине цифр. В особенности интенсивно развивался вывоз, в 1920 г. учетверившийся по сравнению с довоенным временем. Но в 1920 же году наступает мировой кризис, и уже в 1921 г. он сказывается резким падением вывоза, которое имеет, однако, временный характер.

Если мы сравним цифры вывоза с цифрами общего производства Соединенных Штатов (таблица 17), то мы увидим,

что вывоз в среднем составляет около 100% производства, что является рекордной цифрой.

Как мы видели, одной из причин задолженности Соединенных Штатов Европе до войны было недостаточное развитие американского торгового флота. Само собою разумеется, что обстоятельства в этом отношении должны были радикально измениться во время и после войны. И действительно, американский торговый флот вырос за время от 1914 по 1922 г. чрезвычайно. Его тоннаж увеличился больше чем в два раза. Как происходил этот рост по годам, видно из следующей таблицы.

Таблица 22.

Рост торгового парового и парусного флота Соед. Штат. от 1914 по 1922 год (в брутто-тоннах).

Г о д.	Брутто-тонн.
1914	7.928.688
1915	8.389.429
1916	8.469.649
1917	8.871.037
1918	9.924.518
1919	12.907.300
1920	16.324.024
1921	18.282.136
1922	18.462.968

Как же складывался торговый баланс Соединенных Штатов, каких цифр достигала его активность—ибо о пассивности этого баланса в военное и послевоенное время говорить, явно, не приходится? Ответ на этот вопрос находим в следующей таблице:

Таблица 23.

Рост активности торгового баланса Соед. Штатов с 1910 по 1922 г. (в миллион. долларов).

Г о д ы.	Превышение вы- воза над ввозом.
Средняя за 1910—1914	0.441
1915	1.776
1916	3.091
1917	3.281
1918	3.117
1919	4.016
1920	2.949
1921	1.976
1922	0.652
1923	0.376
1924	0.757



Уже в период 1910—1914 г.г. торговый баланс складывался в высшей степени благоприятно для заокеанской республики. Но в 1915 году активность его возросла втрое—с тем, чтобы увеличиться в 1919 году в девять раз. В год мирового кризиса—1920—активность, естественно, убывает; однако торговый баланс продолжает оставаться таким, что мы можем смело говорить о гипертрофии актива торгового баланса Соединенных Штатов. Вышеупомянутый Вильям Нотц<sup>1)</sup> для общего вывоза Соединенных Штатов (товары, серебро, золото) в промежуток между 1913 и 1921 г.г. называет «скромную» цифру в 21.707 миллионов долларов.

Заметно уменьшается активность торгового баланса С. Ш. лишь в 1922 г.; 1924 г., однако, снова обнаруживает некоторое увеличение.

Все вышеприведенные данные о развитии хозяйства Соединенных Штатов оличаются изумительной цельностью. Дополняя друг друга, они рисуют картину, по ясности не оставляющую желать ничего большего. Что же говорят они в своей совокупности, каков результат влияния всех выше-очерченных факторов? Он вполне определен и совершенно несомненен: в заокеанской республике происходит скопление богатств, совершенно до сих пор невиданное. Описать их не в состоянии самая пылкая фантазия; пред ними бледнеют картины, созданные восточным воображением Шехерезады. И в нашем распоряжении нет другого средства дать слабое представление о них, как сообщить еще несколько голых и отвлеченных цифр.

По данным «Federal Reserve Bulletin», вклады почтовых сберегательных касс за 5-летний промежуток увеличились от 40 до 150 миллиардов долларов. Во всех 9.892 банках Соединенных Штатов в 1922 году депозиты достигали 25 миллиардов долларов, что соответствовало бы 100 с лишком миллиардам золотых марок, т.-е. в 4 раза превосходило бы сумму репарационного долга. Насколько громадна эта цифра, видно хотя бы из того, что в Англии до войны депозиты достигали всего лишь 20 миллиардов золотых марок, были, следовательно, в 5 раз меньше, чем депозиты Соединенных Штатов в указанное время.

Эти цифры совершенно головокружительны; они во всех отношениях превосходят все, что когда-либо существовало.

<sup>1)</sup> Loc. cit.

в любой из стран земного шара. Не менее головокружительны, однако, и цифры, выражающие золотой запас Соединенных Штатов, скопление того самого презренного металла, за который, по мнению Мефистофеля, гибнут люди. В начале столетия золотой запас Соединенных Штатов составлял всего около  $\frac{1}{3}$  миллиарда долларов. В 1913 году он поднялся до 827 миллионов, что соответствовало 20<sup>0</sup>/<sub>0</sub> существовавшего тогда на земле золотого запаса. В конце войны он поднялся уже до 30<sup>0</sup>/<sub>0</sub>, а в апреле 1922 года равнялся уже даже целым 40<sup>0</sup>/<sub>0</sub> запаса земного шара. Как это выражалось в абсолютных цифрах, видно из следующего сопоставления данных «Federal Reserve Board'a» и газеты «L'Information»<sup>1)</sup>.

В начале 1922 года в 32 государствах (без РСФСР) было золота на 7.850.885.000 долларов. Из этих несметных богатств приходилось на долю главных государств:

Таблица 24.

Распределение золотого запаса в 1922 г.

Страны	% золотого запаса (F. R. B.) апрель 1922 г.	Абсолютные цифры (L'Information) 31/XII 1922 г.
Соед. Штаты . . . . .	40,3	3.200.372.000
Англия . . . . .	9,8	751.841.000
Франция . . . . .	8,8	708.403.000
Япония . . . . .	7,8	—
Испания . . . . .	6,2	487.278.000
Аргентина . . . . .	5,7	450.057.000
Голландия . . . . .	3,1	233.880.000
Германия . . . . .	3,0	227.437.000

Как ни богаты Англия и Франция,—но золотой запас их обоих вместе не составляет и половины золотого запаса Соединенных Штатов. По немецким источникам (Эйленбург), золотой запас Северной Америки в начале 1923 года составлял уже 3,8 миллиарда долларов. Он был равен, следовательно, в это время золотому запасу всех других государств вместе взятых. В мае 1924 г. золотой запас С. Штатов составлял уже 4.417.400.000 долларов, т.-е. был больше половины всего мирового запаса золота. За промежуток в 20 с небольшим лет количество американского золота увеличилось в

<sup>1)</sup> La Répartition actuelle des Stocks d'or. L'Information fin., écon. etc. Nr. 102, 5/V 1923.

12 раз. Если в странах с твердой валютой золотое покрытие должно составлять на основании *banking-theory* 70% 5 бумажного обращения, то покрытие в Соединенных Штатах составляет от 150 до 171% бумажного обращения; теоретически, следовательно, американский бумажный доллар «тверже» золотого или серебряного доллара. Этот парадокс, созданный избытком золота, заключает в себе, однако, показание некоей ненормальности, составляет до известной степени тревожный признак: чего?

Мы видели, как отразился на вывозе Соединенных Штатов год мирового кризиса—1920 год. Цифра вывоза сократилась в 1921 году вдвое (см. таблицу 21). И если это падение вывоза не может убить хозяйство Соединенных Штатов, то все же оно обнаруживает его ахиллесову пятую.

В самом деле. Возможности вывоза не беспредельны. Даже независимо от кризиса—в вопросе о вывозе хозяйство данной страны попадает в сферу мирового хозяйства в тесном смысле, где действуют уже отнюдь не исключительно факторы экономической жизни вывозящей страны. Размер вывоза зависит не только от стран вывозящих, но и от стран ввозящих, от емкости мирового рынка. Многое заставляет думать, что предел емкости рынка, потребляющего американские товары, если еще и не достигнут, то во всяком случае близок. Покупательная способность государств Европы после войны сильно упала. В то же время выросла их способность конкурировать с С. Штатами на внеевропейских рынках. И вот заметное сужение внешнего рынка сильно дает себя знать в Соединенных Штатах.

Лихорадочный рост промышленности под влиянием этого факта должен приостановиться. А следовательно в промышленность не может вкладываться и избыток все растущего капитала. Но, застывая в денежной форме, капитал начинает обесцениваться. Не спасает его и «золотая форма», ибо и золото, накапливаясь во все больших массах, падает в цене. Капитал начинает поедать сам себя; скопившиеся горы золота давят на всю хозяйственную жизнь, в которой обнаруживаются все более и более заметные недостатки. Одним из них является все растущая безвыходная безработица. И вот, Соединенные Штаты попадают в трагическое положение мифического царя Мидаса. Мидас испросил, как известно, у Зевса дар, превращавший в золото все то, к чему он прикасался. Дар коварный. Ибо, утолив свое тщеславие пре-

вращением в золото камней, ветвей и т. д.,—Мидас не мог утолить ни голода превратившимся в золото хлебом, ни жажды застывшими в золотую массу водою и вином. Так бедный Мидас и умер. Соединенные Штаты далеки, конечно, от трагической кончины Мидаса. Однако неудобства скопления таких чудовищных запасов золота и столь несметных капиталов в денежной форме сказываются настолько определенно, что на очередь дня со всею остротою стал в Соединенных Штатах вопрос о средствах лечения этой своеобразной болезни. В чем же эти средства заключаются?

В сущности, экономически современные государства делятся на два типа. На государства с высокой валютой, которые могут покупать, но не могут вывозить и должны вследствие этого сокращать свое производство. К ним принадлежит, кроме Соединенных Штатов, также и Англия, в которой вследствие этого точно так же развивается безработица, как она развивается в Америке. И на государства с низкой валютой, которые могут покупать на мировом рынке, лишь продавая—продавая по относительно дешевой цене, но имея в разнице между этой дешевой ценой и ценою на внутреннем рынке вывозную премию. Но так как такие страны, как Соединенные Штаты, нуждаются в вывозе во что бы то ни стало, а покупать у них—в особенности низковалютные страны на собственные средства не могут, то первые по необходимости должны предоставлять вторым кредит для уплаты покупаемых у первых же товаров. Так железная необходимость, необходимость экономических законов толкает на путь, на котором только и возможно спасение. Страны с развитым производством и высоковалютные должны предоставлять кредит, предоставлять займы странам непродвигавшим и низковалютным; должны принимать участие в подъеме их экономического благосостояния, ибо упадок хозяйственной жизни их неминуемо тяжелым бременем отразится на хозяйственной жизни богатых стран. С этой точки зрения, такое явление, как вывоз капитала, представляется вполне закономерным, таким, какое в такой же мере остро необходимо странам, вывозящим капитал, как и странам, его ввозящим.

Вывоз капитала для Соединенных Штатов, таким образом,—не случайность и не благодетельствование других, а железная необходимость. Без этого отлива капитала в чужие страны—Соединенные Штаты постигнет участь Мидаса. Та-

кова теория. Как мы сейчас увидим, практика Соединенных Штатов находится в полной гармонии с этой теорией.

Как мы видели, почти все воюющие державы обращались к американской промышленности для покрытия своих военных нужд. Но так как для войны, по старой поговорке, нужны три вещи: «Во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги»,—то ни великие, ни малые из воюющих держав не относились отрицательно к тому, чтобы сделанные ими заказы оплачивались суммами, полученными ими займы от Соединенных Штатов же. Таким образом, создалась огромная задолженность воюющих держав Америке, которая усугубилась займами, произведенными и с другими целями. К чистым займам присоединилось еще действие гипертрофического роста активности торгового баланса Соединенных Штатов, что означало, что находящиеся с ними в торговых отношениях государства задалживали им большие суммы. В конце концов, образовался снежный ком, нараставший все больше и больше и превратившийся, наконец, в ледяную гору.

Среди долгов Соединенным Штатам, среди сделанных у них займов, следует различать займы государственной казны Соединенных Штатов (U. S. Treasury) и те займы, которые были размещены, главным образом, нью-йоркскими банками. Задолженность иностранных государств казне Соединенных Штатов на 15 марта 1922 года, по данным F. R. В.<sup>1)</sup>, в общем равнялась чудовищной цифре в 11.456.383.059 долларов. Вот как распределялся этот долг между отдельными государствами:

Таблица 25.

Задолженность иностранных государств Соедин. Штатам на 15/III 1923 г. (в доллар.).

1. Англия . . . . .	4.685.862.560
2. Франция . . . . .	3.770.906.956
3. Италия . . . . .	1.891.513.634
4. Бельгия . . . . .	428.956.287
5. Россия . . . . .	227.801.969
6. Польша . . . . .	148.594.423
7. Чехо-Словакия . . . . .	108.106.426
8. Сербия . . . . .	57.872.196
9. Румыния . . . . .	41.089.387
10. Австрия . . . . .	26.220.723
11. Эстония . . . . .	15.694.148

<sup>1)</sup> Federal Reserve Bulletin, Juni 1922.



12. Греция . . . . .	15.375.000
13. Армения . . . . .	13.137.466
14. Финляндия . . . . .	9.005.082
15. Куба . . . . .	8.147.000
16. Латвия . . . . .	5.582.296
17. Литва . . . . .	5.497.791
18. Венгрия . . . . .	1.837.561
19. Никарагуа . . . . .	170.585
20. Либерия . . . . .	28.869

Двадцать государств — двадцать должников Соединенных Штатов—безлично фигурируют в «главной книге» U. S. Treasury, а сколько страстей, сколько бурь, погубленных человеческих жизней, политических успехов и несбывшихся надежд скрывается за этими бесстрастными цифрами! В сущности, это—своеобразное резюме нескольких кровавых страниц человечества. Если не считать России, которая своей революцией выключила себя из цепи меркантильных последствий войны,—эта таблица является почти точным зеркалом значения и роли перечисленных в ней государств в мировом хозяйстве. Это какая-то алгебраическая или арифметическая формула исторического момента. Но, оставляя в стороне всякие попытки расшифровать ее и обращая снова к нашей теме, мы останавливаемся перед вопросом: каковы же были инвестирования американского капитала за границей, которые не являются займами U. S. Treasury иностранным правительствам?

Точных указаний, официальных статистических данных на этот счет нельзя найти. Однако упомянутый Вильям Нотц считает возможным назвать на 1 января 1923 года цифру находящегося за границей американского капитала в 15 миллиардов долларов. Но эта цифра скорее преуменьшена, чем преувеличена. Другой исследователь этого вопроса, Виргилий Йордан<sup>1)</sup>, полагает, что помимо займов, Соединенные Штаты к 1 января 1923 г. инвестировали за границей от 8 до 10 миллиардов долларов. Из них — около 2 миллиардов в Канаде, около 1¼ миллиарда в Мексике, 600 миллионов в железных дорогах и сахарной промышленности о. Кубы и около 1¼ миллиарда—в копиях, нефтяных промыслах, плантациях, железных дорогах, банках и т. д.—на Вестиндских островах и в Ю. Америке. Что касается

<sup>1)</sup> Virgil Jordan. Amerikas Kapital im Ausland u. d. amerikani-sche Aussenpolitik. Hamburgischer Korrespondent, Nr. 1, 2/I. 1923.

Европы, то, не считая капитала, вложенного здесь трестом Standard Oil, в промышленных предприятиях инвестировано несколько больше  $1\frac{1}{2}$  миллиарда долларов. Кроме того, американские банки продали своим клиентам между 1-м января 1919 года и 1-м октября 1922 года различных европейских государственных бумаг, городских займов и промышленных акций и закладных на 2.618 миллионов долларов.

Таким образом Иордан приходит к выводу, что для всего американского капитала, находящегося за границей, отнюдь не преувеличенной окажется цифра в 20 миллиардов долларов. Как видим, эта сумма превышает собою все, что было когда-либо какою-либо страной инвестировано за границей. А если мы примем во внимание, что эта чудовищная масса капитала вывезена за промежуток времени, меньший чем 10 лет, то нам ясно станет, до какой степени остра потребность американского хозяйства в вывозе капитала<sup>1)</sup>.

Быстрота темпа вывоза характеризуется сравнением инвестирования за границей американского и какого-либо другого—например, английского капитала. Следующая таблица дает об этом понятие:

Таблица 26.

Эмиссия иностранных ценностей на рынках Нью-Йорка и Лондона в 1921—1922 г. г. (в долларах).

		Иностр. ценности на рынке Нью-Йорка.	Иностр. ценности на рынке Лондона.
1-я полов.	1921 г.	291.654.000	233.010.000
2-я "	1921 г.	403.550.000	299.810.000
1-я "	1922 г.	678.552.000	481.191.000
Всего . . .		1.373.756.000	949.011.000

Как видим, в соответствии со всеми остальными данными, темп инвестирования американского капитала гораздо быстрее, чем темп инвестирования капитала английского. Если же мы захотим узнать, как распределяется американский капитал между его «клиентами», то, по данным «Federal Reserve Bulletin», можно составить следующую таблицу:

<sup>1)</sup> Ср. также Джефферсон. «Американский капитал—экспортный товар». «Экономич. Жизнь» № 339, 20/XI 1924.

Таблица 27.

Распределение американского капитала между странами, в которых он инвестирован (в %/о).

Южная и Средняя Америка . . . . .	31,7
Северная . . . . .	29,2
Европа . . . . .	26,6
Южные моря . . . . .	4,7
	<hr/> 100

Эта маленькая таблица очень поучительна. Как мы уже отчасти видели, американский капитал прежде всего искал помещения в промышленности близких к Соединенным Штатам стран. И действительно, в обеих частях Америки инвестировано 60,90/о всего американского капитала, вложенного в промышленность. Но так как рынок этих стран представляется уже в значительной части насыщенным и так как емкость его отнюдь не является беспредельной,—американский капитал вынужден уходить дальше и искать помещения в Азии и Европе.

Итак, Соединенные Штаты заняли совершенно доминирующее положение среди государств, вывозящих капитал. Произошло это с чрезвычайной быстротой. Однако обстоятельство это в такой степени было обусловлено создавшимися явлениями мирового хозяйства, так властно диктовалось железными экономическими законами, что происшедшая перемена могла бы быть сравнена только с социальной революцией. В какой мере сознательна была во всем этом политика Соединенных Штатов?

Многое заставляет думать, что сознательно к роли «всемирного банкира», отторгнутой ими у Франции, Соединенные Штаты не стремились. Известная доктрина Монроэ и сказывающееся во всех случаях, по поводу всех «конференций» и международных совещаний предубеждение Америки против Европы—заставляют предполагать, что здесь в большей степени было неумолимое требование необходимости, чем акт доброй воли. Но экономическая действительность сильнее всякой «свободной воли», и формы бытия властно определяют формы сознания. Уступая вначале лишь велениям рока, Соединенные Штаты мало-по-малу освоились со своим положением и стали проводить навязанную им судьбою политику с полным сознанием и исключительным умением.

Американская банковская система была чрезвычайно плохо приспособлена к потребностям внешней торговли и к транс-

миссиям капитала. Внешняя торговля Соединенных Штатов до 1914 года финансировалась Лондоном. Долларный вексель фактически не существовал. Этим создавалось преимущество фунтов стерлингов над долларами, создавались связанные с переучетом потери времени и денег, зависимость от английских банков, и первым шагом приспособления к новым обстоятельствам, первой уступкой потребности в вывозе товаров и капитала было введение в 1914 году так называемой Federal - Reserve - System. § 13 Federal-Reserve Act'a разрешает принимать векселя или тратты, относящиеся к внешней торговле. В конце 1922 года это постановление было весьма существенно дополнено тем, что в некоторых случаях векселедатели освобождаются от необходимости предъявлять корабельные документы. Таким образом получил права гражданства долларный вексель. Но это было, однако, только одной половиною дела..

Второй его частью является появление во всех частях света американских банков, которые прежде функционировали только у себя дома. Целый ряд крупных нью-йоркских и бостонских банков занялись внешней торговлей и образовали отделения за пределами Федерации. В настоящее время за границей существует больше ста отделений американских банков, которые рассеяны «по всему свету». Вот как распределены они между отдельными странами:

Таблица 28.

Распределение американских банков за границей.

Части света.	Число банков.
Южная Америка . . . . .	50
Восточная Азия . . . . .	34
Европа . . . . .	24

Что касается американских банков в Европе, то они распределяются следующим образом:

Таблица 29.

Американские банки в Европе.

Страны.	Число банков.
Англия . . . . .	8
Франция . . . . .	7
Бельгия . . . . .	4

Само собой разумеется, что эта чисто-финансовая организация, приспособленная к новым требованиям, не могла

не сопровождаться мерами, лежащими в других областях социальной жизни. Развитие внешней торговли и внешних отношений прежде всего отражается в законодательстве. Картели, возникшие с целью внешней торговли, пользуются покровительством Export-Trade Act'a (1918 г.). А если пожелают посвятить себя той же внешней торговле банки, то они получают гарантирующую их деятельность «Federal Charter» на основании Edge Act'a (1919 г.). Одним из более новых мероприятий этого рода является специальное покровительство американским торговым обществам в Китае, которые также получают «Federal Charter» на основании China Trade Act'a (1923 г.). Что же касается учреждений, непосредственно покровительствующих внешней торговле, то сюда прежде всего надо отнести существующую с 1916 года тарифную комиссию (U. S. Tariff Commission) и так называемую «Военно-Финансовую Корпорацию» (War-Finance-Corporation), задачей которой является кредитование экспорта.

Американский Департамент Торговли (U. S. Department of Commerce) во все государства, принимающие участие в мировом хозяйстве, назначает особых коммерческих атташе, что нисколько не мешает «Государственному Департаменту», в развитие консульской службы рекомендовать консулам особое внимание к коммерческим делам вообще и к коммерческой информации в частности. За развитием государственных учреждений во вне следует развитие их внутри государства. С невиданной широтой организуются информационное дело и торговая и вообще экономическая статистика; государственными учреждениями, как Department of Commerce, Bureau of Foreign and Domestic Commerce, Bureau of the Census, Geological Survey и Federal Reserve Board,—ведется усиленная экономическая пропаганда в виде научных и популярных изданий по вопросам внешней торговли. Наряду с этим развивается преподавание иностранных языков; не менее чем в 71 колледже и университете читаются специальные курсы по подготовке служащих по внешней торговле; в Вашингтоне при университете (Georgetown University) создается для этой цели специальная школа, так называемая School of Foreign Service<sup>1)</sup>.

Раз вступив на путь покровительства внешней торговли, к

---

<sup>1)</sup> Ср. William Notz. Loc. cit.



которой относится и вывоз капитала, Америка делает это с энергией и широтой, соответствующими ее мировому положению. И влияние Соединенных Штатов сказывается не только непосредственно в огромном вывозе товаров, а и в вывозе капитала, который стремится заменить собою первый. Индустрия всего мира начинает пропитываться американским капиталом, и американский капитал начинает оказывать весьма сильное влияние на мировое хозяйство. Образуются такие «дома», как, например, Morgan & Co, рука которого простирается не менее далеко, чем волны беспроволочного телеграфа.

Таковы особенности накопления и вывоза капитала в Соединенных Штатах. Как ни неполон и сжат наш очерк, он убеждает в одном. *Нужные ей массы капитала Советская Россия может найти только в Соединенных Штатах.*

---

## ПРИЛОЖЕНИЕ.

Послевоенный вывоз капитала, как это отмечено в тексте, сильно отличается от довоенного. Структура механизма размещения капитала, в связи с происшедшими изменениями в размерах и характере накопления, претерпела глубокие перемены. Последующие таблицы характеризуют динамику этого процесса.

Глубже всего изменения, происшедшие в размещении капитала французского.

Эмиссия (в тысячах долларов) Франции <sup>1)</sup>.

Довоенное размещение.	Новые эмиссии.	Из них на внутреннем рынке.	% по отношению ко всей эмисс.	Иностран. и колониальн. эмиссии.	% по отношению ко всей эмисс.
1	2	3	4	5	6
1910 . . . . .	1.122.200	177.000	15,8	945.200	84,2
1911 . . . . .	939.200	162.800	17,4	776.400	82,6
1912 . . . . .	1.208.200	392.000	32,4	816.200	67,6
Средн. за 1910—12	1.089.866	243.933	21,9	845.933	78,1
Послевоенн. размещение:					
1920 . . . . .	961.480	952.600	99,1	8.880	0,9
1921 . . . . .	1.221.270	1.214.050	99,4	7.220	0,6
1922 . . . . .	1.403.030	1.401.720	99,9	1.310	0,1
1923 . . . . .	843.540	788.240	93,5	55.300	6,5
Средн. за 1920—23	1.107.330	1.089.152	98,4	18.178	1,6

<sup>1)</sup> Таблицы эти касаются только частных эмиссий. Из них исключены все эмиссии государственных ценностей (займы и пр.).

Линии развития размещения капиталов на внутреннем и внешнем рынках указывают на прямо противоположные тенденции до и после войны. В то время как до войны львиная доля эмиссий приходилась на внешний рынок, начиная с 1920 года французская промышленность сама поглощает большую часть новообразовавшихся капиталов, а для иностранных эмиссий остается лишь совершенно ничтожная часть.

Те же тенденции наблюдаются и в размещении английского капитала.

Вот каковы изменения, наблюдающиеся в размещении этого капитала до и после войны:

Эмиссии (в тысячах долларов) Англии.

Довоенное размещение.	Новые эмиссии.	Из них на внутреннем рынке.	% по отношению ко всей эмисс.	Иностран. и колониальн. эмиссии.	% по отношению ко всей эмисс.
1	2	3	4	5	6
1911 . . . . .	958.795	130.730	13,6	828.065	86,4
1912 . . . . .	1.054.245	226.675	21,6	827.570	78,4
1913 . . . . .	982.685	179.785	18,3	802.930	81,7
Средн. за 1911—13	998.575	179.053	17,8	819.522	82,2
Послевоенн. размещение:					
1920 . . . . .	1.345.230	1.206.560	89,3	144.670	10,7
1921 . . . . .	1.497.570	1.063.280	71,0	434.290	29,0
1922 . . . . .	2.518.430	1.947.040	77,4	571.390	22,6
1923 . . . . .	1.234.830	609.310	49,4	625.520	50,6
Средн. за 1920—23	1.649.015	1.205.048	73,1	443.968	26,9

Тенденции размещения английского капитала те же, что и тенденции размещения капитала французского. В то время

как до войны бóльшая часть новообразовавшегося капитала попадала на иностранный рынок, после войны бóльшая часть его поглощается внутренними эмиссиями. Правда, процентное отношение капитала вывозимого к общей сумме эмиссий выше в Англии, нежели во Франции. В среднем от 1920—1923 г. оно составляло 26,9<sup>0</sup>/<sub>0</sub>. Но не следует думать, что весь вывозимый капитал попадает на иностранные рынки. Под рубриками 5 и 6 значатся эмиссии не только иностранные, но и колониальные. Дискуссия по поводу нератифицирования русско-английского договора, выступления по этому поводу Кэйнса, речи Ллойд-Джорджа показывают, как интенсивно развивается английский экономический национализм. Очень значительная, можно сказать—бóльшая часть этих эмиссий приходится на доминионы и, таким образом, по существу принадлежит к эмиссиям внутреннего «домашнего» характера.

Иную, по своей динамике, картину дает нам эмиссия американского капитала. Для Америки даем только послевоенные цифры, так как до войны С.-А. С. Штаты, как сказано, капитала почти не вывозили.

Эмиссии (в тысячах долларов) С.-А. С. Штатов.

Послевоенное размещение.	Новые эмиссии.	Из них на внутреннем рынке.	% по отношению ко всей эмисс.	Иностран. и колониальн. эмиссии.	% по отношению ко всей эмисс.
1	2	3	4	5	6
1920 . . . . .	2.963.668	2.670.085	90,2	292.983	9,8
1921 . . . . .	2.377.342	1.929.795	81,2	447.547	18,8
1922 . . . . .	3.242.462	2.599.704	80,3	642.758	19,7
1923 . . . . .	3.289.608	3.044.169	92,5	245.439	7,5
Средн. за 20—23	2.968.120	2.560.938	86,3	407.182	13,7

За исключением 1923 г., когда бóльшая часть эмиссии поглощена была внутренним американским рынком, доля капитала вывозимого идет, повышаясь, начиная с 1920 г. За 1924 г. выпуск новых капиталов (не включая сюда государствен-

ной эмиссии и эмиссии для целей погашения) достигает 5.427.066.265, т.-е. почти в два раза превосходит среднюю за последние 4 года. Если к этому прибавить еще заем для целей погашения в 705.937.357, то за этот год получится сумма частно-капиталистической эмиссии в 6.133.003.622 доллара. За два месяца, октябрь и ноябрь, цифра эмиссии С.-А. С. Штатов превосходит эмиссию Англии за весь год..

Сильнейшую тенденцию к возрастанию обнаруживает помещение капитала вне С. Штатов. В 1924 г. в Нью-Йорке было размещено 1.107 миллионов иностранных ценностей, из которых на 828 миллионов—государственных ценностей и на 279 миллионов—бумаг частных обществ. Таким образом, американская эмиссия в 1924 г. по своим размерам превосходит все эмиссии капиталов на иностранных рынках, имевшие место до сих пор. Из всего огромного количества капиталов, вновь появившихся на американском финансовом рынке, она составляет 19,5%, т.-е. значительно (в 2½ раза) превосходит капитал, размещенный в 1923 году.

---

## ОГЛАВЛЕНИЕ

---

	<i>Стр.</i>
I. Накопление капитала и степень его поглощения в национальном хозяйстве . . . . .	3
II. Хозяйственный рост и потребность в иностранном капитале.	8
III. Германский капитал на иностранных рынках—до и после войны	14
IV. Финансовая политика Великобритании и английский капитал на иностранных рынках . . . . .	23
V. Французский капитал в прошлом и настоящем . . . . .	30
VI. Соединенные Штаты Северной Америки как страна накопления и вывоза капитала . . . . .	40
Приложение. . . . .	61

---













